

Key Words

Vladimir Ivanovich Belsky, Rimsky-Korsakov, Rimsky-Korsakov's operas, Russian Musical Society in Belgrad.

Rakhmanova Marina Pavlovna

***V. I. Belsky's Letters To Andrey Nikolaevich
And Mikhail Nikolaevich Rimsky-Korsakov***
*Introductory article, publication and commentaries
by M. P. Rakhmanova*

Abstract

Publication of letters by the librettist of Nikolay Rimsky-Korsakov's late operas, Vladimir Belsky, who after the revolution of 1917 emigrated to Yugoslavia, to the composer's sons who lived in Leningrad (1933–45), supplemented by documents related to Belsky's life and work.

Ключевые слова

*В.И. Бельский, Римский-Корсаков, оперы Римского-Корсакова,
Русское музыкальное общество в Белграде.*

Рахманова М. П.

Письма В.И. Бельского к Андрею Николаевичу и Михаилу Николаевичу Римским-Корсаковым

Вступительная статья, публикация и комментарии М.П. Рахмановой

Аннотация

Публикация писем либреттиста поздних опер Н.А. Римского-Корсакова, В.И. Бельского, эмигрировавшего после революции в Югославию, к жившим в Ленинграде сыновьям композитора (1933–1945), с приложением биографических документов о Бельском и комментариями.

Публикация писем Владимира Ивановича Бельского к Михаилу Николаевичу Римскому-Корсакову имеет для автора этих строк некий биографический подтекст. Попросив извинения у читателей, коротко остановлюсь на нем.

В 1976 году, начинающим руководителем отдела «История и библиография» журнала «Советская музыка», я имела честь и удовольствие заниматься публикацией переписки Римского-Корсакова с Бельским, подготовленной Владимиром Николаевичем Римским-Корсаковым и А.Н. Орловой. Публикация была отнюдь не полной, но все же достаточно развернутой, чтобы произвести сильное впечатление. Вообще целый ряд писем композитора и Бельского был — в кратких отрывках — уже процитирован в разных выпусках «Страниц жизни и творчества Н.А. Римского-Корсакова», подготовленной теми же авторами; гораздо ранее фрагменты из этой переписки были даны в книге А.Н. Римского-Корсакова «Н.А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество». Но первое из названных изданий имело скорее «справочный» вид и отрывки из писем в нем читать было неудобно, а второе — почти недоступно в силу своей редкости. В журнале замечательная переписка в большей мере выглядела как цельный памятник.

Прошло много лет, и в 1994 году, при подготовке к печати специального выпуска журнала (теперь уже «Музыкальной Академии», далее — МА) к 150-летию композитора, мне показалось необходимым особенно подчеркнуть то, о чем тогда говорили редко и знали мало: значение нового, молодого окружения композитора в 1890-е и 1900-е годы, в том числе кружка «фанатиков русской музыки» и Общества музыкальных собраний, а поскольку Бельский был одной из центральных фигур этих сообществ, то удалось опубликовать впервые и биографию Владимира Ивановича (до 1917 года), составленную его братом Рафаилом Ивановичем, и воспоминания об Обществе того же автора и В.П. Семенова-Тяншанского, и три письма Бельского и его супруги к сыновьям композитора в период после 1917. Публикации

эти были подготовлены опытным сотрудником Кабинета рукописей РИИИ О.Л. Данскер. Помимо прочего, они пролили некоторый свет и на биографию Бельского: по крайней мере едва ли не впервые становилось понятно, что он уехал из России в Югославию в первые послереволюционные годы, жил и трудился в Белграде и скончался в Германии в 1946 году. Уезжая, он не взял с собой многочисленных писем к нему Римского-Корсакова а оставил их брату, от которого только в 1930-е годы получил их Андрей Николаевич.

Поскольку ПСС Римского-Корсакова в его литературной части остановилось давным-давно и продолжения не планировалось (то есть за бортом оставалось множество документов композитора), поистине героически поступила Людмила Григорьевна Барсова, личным трудом (при помощи В.В. Горячих) осуществившая полную публикацию переписки композитора с В.В. Ястребцевым и В.И. Бельским (СПб., 2004; далее — Переписка); в сопроводительных статьях к этому изданию появились краткие, но важные сведения о жизни Бельского в Югославии. Их источником были главным образом письма Бельского к М.Н. Римскому-Корсакову. Дополнительные факты, касающиеся Бельского, можно найти также в работах Л.Г. Барсовой о близком друге Владимира Ивановича — философе Иване Ивановиче Лапшине (высланном из России на «философском пароходе» и поселившемся в Праге), в частности в книге «Неизданный Иван Лапшин» (СПб., 2006).

Казалось бы, всего перечисленного достаточно для освещения фигуры либреттиста, пусть и выдающегося. Но Бельский в отношении Римского-Корсакова — не просто либреттист; он важнейший, так сказать, идеологический сотрудник в создании ряда поздних опер: «Садко», «Салтана» и особенно «Китежа» и «Золотого петушка». Сам композитор прямо говорит об этом в своих письмах и более затуманено — в «Летописи». Я бы сравнила такое сотрудничество с сотрудничеством Рихарда Штрауса и Гуго фон Гофманстала. Различие в том, что Гофмансталь сам по себе — замечательный писатель и оставался бы таковым и без сотрудничества с композитором. Бельский же «на каждый день» был математиком, специалистом по страховому делу, и в корсаковские либретто вкладывал всю свою творческую энергию, все свои глубокие и разнообразные познания в областях истории, филологии и проч. Это вполне очевидно в «Китеже», от начала до конца «сочиненном» Бельским, но на самом деле касается и других либретто.

Что же касается отношения Бельского к Римскому-Корсакову, то лучше всего здесь привести фрагмент одного из публикуемых далее писем. Цитата не отличается оригинальностью: ее дает уже

Андрей Николаевич в своей книге об отце (в пересказе), но она очень выразительна:

Н.А. для меня уподоблялся драгоценному сосуду, несущему сверхъестественную благодать, а потому и самый сосуд — его личность — сделался для меня священным, и быть возле него было счастьем. Все другие мои духовные интересы, хотя я сильно увлекался и философией, и науками, и искусствами, казались мне уже второстепенными. По-моему, и Н.А. проникал в мои чувства к нему и принимал их благосклонно, как жертву, но не себе, а что ли «Садку», «Салтану», «Китежу», «Петушку» и проч., объективируя вовне свое призвание.

В последнее время личность и деятельность Бельского начали получать соответствующую оценку. Назовем в связи с этим статьи Михаила Викторовича Пашенко, в частности, «Система лейтмотивов в либретто “Града Китежа”» (Наследие Н.А. Римского-Корсакова в русской культуре. М., 2009) и «Невидимый град Леденец: христианство и сравнительное литературоведение в поздних операх Н.А. Римского-Корсакова» (ИМТИ. 2014. № 9). И это придает дополнительный смысл публикации, освещающей облик Бельского в зрелые и поздние годы.

Еще один существенный момент. Известно, что в Белграде Бельский начал работу над воспоминаниями о композиторе. Исключительная важность текста такого мемуариста не вызывает сомнений. Сначала предполагалось, что воспоминания будут готовы к 1933 году, когда отмечалась четверть века со дня смерти композитора, и выйдут в свет в Беляевском издательстве, которое, как известно, после 1917 года перенесло свою деятельность в Париж. Однако оно, указывая на недостаток средств, отказалось печатать работу Бельского. Результат получился самый плачевный: не связанный жестким сроком, крайне занятый повседневным трудом для обеспечения семьи, а также очень требовательный к себе, Бельский растянул работу до начала Второй мировой войны, а потом при бомбардировке Белграда в огне погибло все его имущество, включая рукописи. Как могло Беляевское издательство, в совет которого входили любимые ученики Римского-Корсакова — Глазунов и Николай Черепнин (последний к тому же и личный друг Бельского), — отказаться от публикации, понять трудно. Но теперь остается только одно: «ловить» проблески воспоминаний в письмах Владимира Ивановича; особенно много таковых в письмах, связанных с чтением Бельским разных выпусков книги об отце Андрея Николаевича, иногда — «проблесков» вполне уникальных.

Можно указать также на то, что письма Бельского дают некую хронику музыкальной жизни русского Белграда: Владимир Иванович был одним из учредителей Русского музыкального общества в столице Югославии и его председателем. Письма содержат также любопытную, хотя и выборочную, картину распространения корсаковской музыки в Европе в 1930-е годы.

Наконец, и это тоже очень важно, письма позволяют, как мне кажется, воссоздать образы корреспондентов и близких им людей. Обаяние личности Бельского проступает в них с непревзойденной силой, как и — косвенно — обаяние личности его корреспондента, старшего сына композитора, ученого-энтомолога Михаила Николаевича, между прочим автора превосходных и до сих пор не опубликованных воспоминаний об отце.

Кстати, возникает вопрос: почему, начав переписку с сыновьями композитора с двух писем к Андрею Николаевичу в 1933 году (в ответ на его письмо), Бельский в дальнейшем поддерживал связь именно с Михаилом Николаевичем. Возможно, потому что Бельский был дольше и ближе с ним знаком (см. далее в письмах), но, думается, так могло быть договорено между братьями. Андрей Николаевич, в силу своей политической ангажированности в период до 1917го, а также в силу своей основной специальности философа, которую он волей обстоятельств сменил (к счастью, весьма удачно) на историческое музыковедение, мог в большей степени находиться в сфере внимания властей, нежели профессор энтомологии Лесного института. Правда, и Михаила Николаевича не обошли репрессии: в 1930 году он был изгнан из Ленинградского университета, где создал и возглавлял кафедру энтомологии; аресту подвергались близкие ему коллеги и ученики. Но, как пишет его биограф С.И. Фокин, «верный своим принципам ученый дружил с теми, с кем он дружил, и любил тех, кого он любил, не взирая на их отношения с советской властью»¹. Именно это и проявляется в переписке с Бельским, продолжавшейся вплоть до начала Второй мировой войны, с посылкой книг и нот. А также в переписке с другим эмигрантом — И.И. Лапшиным, начавшейся в 1920-е годы и продолжавшейся после войны.

Но и Андрей Николаевич в данных обстоятельствах повел себя смело: он не только широко процитировал письма эмигранта Бельского к Николаю Андреевичу в своей книге об отце, в том числе в IV выпуске, вышедшем в 1937 году, но и прямо указал на то обстоятельство, что Бельский жив, процитировав (в пересказе)

¹ Фокин С. Вступление к публикации «М.Н. Римский-Корсаков. Зоологические воспоминания» // Историко-биологические исследования. СПб., 2009. Т. 1. Вып. 1. С. 118.

его «недавнее письмо к близкому лицу», то есть письмо Бельского к Михаилу Николаевичу (С. 71—72, письмо от 31 марта 1936). А в V выпуске, вышедшем в 1946 году, уже после кончины Андрея Николаевича (в 1940м), он прямо говорит: «Нам неизвестны подробности тех устных бесед Н.А. и В.И. Бельского, на которых высказывались пожелания композитора и собеседники уговаривались о тех или иных деталях темы. Если подробности этих бесед сохранились в записи или хотя бы в памяти живущего их участника, то было бы совершенно бесценным их опубликование» (С. 74—75).

Понятно, что Бельский уже не мог увидеть этот выпуск и прочесть эти строки, но понятно также, какое послание к другу вкладывал в них Андрей Николаевич, работая над пятым выпуском накануне своей кончины...

***

Собственно, толчком к началу всей переписки в 1933 году послужила необходимость для Андрея Николаевича получить письма отца к Бельскому — для продолжения работы над своей книгой. И тут выясняется следующий ряд сложных обстоятельств.

Долгое время ничего не было известно не только о судьбе писем, но и о судьбе самого Бельского. Его отъезд из России с семьей — женой Агриппиной Константиновной, сыном Всеволодом (тогда подростком) и племянницей Ольгой (старшей дочерью Рафаила) был так законспирирован, что Лапшин в письме к М.Н. Римскому-Корсакову из Праги в мае 1923 года выражал сожаление: «...Его смерть большая потеря для русской науки» (Неизданный Иван Лапшин. С. 403). Неизвестна точная дата отъезда: Л.Г. Барсова называет 1923 год (Переписка. С. 228), но источник подобной информации нам неизвестен. О причине скрытности можно догадываться по сохранившимся письмам Р.И. Бельского к Андрею Николаевичу, где он говорит, что отъезд брата поставил под серьезный удар его самого и его семью. Братья не переписывались напрямую, только узнавали друг о друге через знакомых; поэтому, например, в письмах к Михаилу Николаевичу Бельский часто добавляет, обычно в сокращенных нами постскриптумах, сведения об Ольге Рафаиловне — для передачи по назначению (она тоже жила в Белграде и работала под руководством Владимира Ивановича).

В биографии Бельского, написанной по просьбе А.Н. Римского-Корсакова, Рафаил Иванович утверждал, что судьба брата неизвестна, что тот уехал «в 1918 году на розыски своей семьи на Украину и пропал без вести» (МА. С. 146; см. в Приложении). Очевидно, это было сделано на случай возможной публикации текста — ко времени написания

биографии Андрей Николаевич уже был на связи с Белградом. Кроме того, в одном из писем Рафаила Ивановича указывается, что «после Октябрьской революции Бельский был назначен управляющим Гострудсберкассами» (Там же).

Переписка А.Н. Римского-Корсакова с Р.И. Бельским в период с 1931го по 1939 год (РИИИ. Ф. Б. Раздел VII. № 53) дает печальную картину: Рафаил Иванович с женой, дочерью и сыном живет в Москве, зарабатывает преподаванием с утра до ночи, но концы с концами сводит с трудом и, например, средств на поездку в Ленинград для встречи с Андреем Николаевичем выделить не может. С этим связана и продажа оставленных ему братом оригиналов писем композитора, на каковую он соглашается скрепя сердце и с условием, что за счет Андрея Николаевича будут сделаны машинописные копии писем (одну из них получил Владимир Иванович — см. далее в письмах).

Ясно также, что до 1933 года Бельский надеялся сам опубликовать эти письма (по полученным из России копиям — оригиналы он считал неприкосновенными) вместе со своими воспоминаниями в Беляевском издательстве, но потом дал разрешение на их использование Андреем Николаевичем, а позже и на продажу автографов. Это произошло в 1936 году, когда Андрей Николаевич как раз работал над четвертым выпуском своей книги, где многократно появляется имя Бельского.

***

Письма Бельского могут подробно комментироваться в разных аспектах (таких, как музыкальная жизнь в Югославии вообще, культурная деятельность русской диаспоры, постановки и исполнения произведений Римского-Корсакова в разных странах мира и проч.²). Для данной публикации выбран ракурс, преимущественно направленный на личность самого Бельского и его воспоминания о работе с композитором. Для дополнения сведений, имеющихся в переписке, публикуются также краткие воспоминания о музыкальных вечерах в белградском доме Бельского, принадлежащие перу Ирины Грицкат (Грицкат-Радулович), впоследствии академика, выдающегося сербского филолога. Они были получены благодаря любезности крупнейшего деятеля сербского Русского Зарубежья, главного историографа

² В частности, об исполнениях опер РК и Мусоргского в Югославии и югославскими артистами см.: Мосусова Н. Из истории исполнения православных опер М.П. Мусоргского и Н.А. Римского-Корсакова артистами Русского зарубежья // Русское зарубежье: музыка и православие / Сост. С.Г. Зверева. М., 2013. С. 188—210.

российской эмиграции в этой стране Алексея Борисовича Арсеньева, вместе с публикуемыми фотографиями; на одной из них представлено музыкальное собрание в доме Бельского, на другой — Владимир Иванович во время своей поездки в Грецию, о которой рассказывается в письмах. В приложении также дается специально написанная А.Б. Арсеньевым краткая справка о Русском музыкальном обществе и биография Бельского, написанная его братом, — в сокращенном изложении.

Все письма публикуются впервые, кроме трех, известных ранее по журнальной публикации О.Л. Данскер (даны более мелким кеглем).

Купюры делаются (кроме сведений об О.Р. Бельской) только при случаях многократного повторения сведений из письма в письмо: так, Бельский постоянно описывает свою загруженность на службе в извинение отсрочки работы над воспоминаниями; многократно говорит он и о разнообразных интересах своего сына — в объяснение необходимости для него самого продолжать интенсивную служебную деятельность: сын пока «не встал на ноги», и проч.

Все письма хранятся в Кабинете рукописей РИИИ; письма к А.Н. Римскому-Корсакову — ф. 8, раздел VII, № 52; письма к М.Н. Римскому-Корсакову — ф. 11, оп. 1, № 91.

1.

А.Н. Римскому-Корсакову

Белград, 15 мая 1933

Многоуважаемый и дорогой Андрей Николаевич, несколько раз брался за перо, чтобы побеседовать с вами и поблагодарить за полученную книгу, которая стала у меня настольной и неизменно доставляет мне утешение каждый раз, как я в нее загляну³. Но меня тревожили сомнения, не сделаю ли я худо, обращаясь к вам. Хотя я, как вы знаете, всегда был лишен политических инстинктов, а теперь даже избегаю всякого намека на общественную деятельность, но, может быть, все-таки лучше, если мой чужой голос не будет вовсе раздаваться в вашей современной обстановке. Я не веду никаких сношений с моими старыми друзьями, как это ни горько, и только по поводу наступающего двадцатипятилетия смерти безумно любимого Николая Андреевича я решаюсь нарушить обет молчания и написать несколько слов дорогому его сыну с просьбой передать привет сестрам и братьям.

³ Речь идет о подготовленной А.Н. Римским-Корсаковым (при участии В.Д. Комаровой-Стасовой) публикации «М.П. Мусоргский. Письма и документы» [М.-Л., 1932].

Ваша книга очаровательна. Уже одно хронологическое сопоставление известных ранее поодиночке писем создает наглядную картину, из которой интуитивно воспринимаешь целую суть Мусоргского сразу, не давая еще себе отчета в подробностях. А ваши примечания — увлекательные страницы бытоописательного романа из недавнего прошлого — помогают разобраться в тончайших извилинах оригинальной личности. Мне бы очень хотелось, чтобы вы увидели мою запоздалую рецензию на книгу⁴. Я не заметил, чтобы вы где-нибудь пользовались, без сомнения, много раз слышанными вами воспоминаниями Николая Андреевича и Надежды Николаевны о Мусоргском. Правда, биографы не любят ссылаться на не допускающие проверки устные источники, но ввиду особого интереса таких сведений можно было бы сделать исключение⁵. В предположенном на ближайшее время моем докладе о посмертном сотрудничестве Мусоргского и Римского-Корсакова я рассчитываю широко пользоваться рассказами Николая Андреевича⁶.

Как бы было хорошо иметь какие-либо сведения о личной и семейной жизни вашей и ваших родственников, чтобы посочувствовать вашим тягостям и порадоваться вашим удачам.

Чем будет ознаменована в Ленинграде 25-я годовщина невознаградимой утраты? Что будет издано? Какие музыкальные поминки предположены? В Европе понемногу отзовутся повсюду. В Югославии в Любляне 8/21 июня обещают «Снегурочку», а на другой день экстренный симфонический концерт, в котором, между прочим, будет исполнено 3-е действие «Млады» (из Любляны видна гора Триглав⁷). В Белграде будет симфонический концерт под управлением Н.Н. Черепнина, может быть, возобновление «Царской невесты», моя публичная лекция и многое другое. В симфоническом концерте собираются сыграть сюиту из «Китежа», сделанную Максимилианом Осеевичем. Я не все в ней принимаю: я не согласен ни с сопоставлениями, ни с переходами, ни с отсутствием инструментальной замены хоров и вокальных партий⁸.

Воспоминания, с которыми меня так торопили, ко времени не могли быть кончены. Я занимался ими с чрезвычайным увлечением, несмотря на крайнее обременение работой из-за насущного хлеба. Но в этом, как оказалось, и не было особого спеха, так как с месяц тому

⁴ Эта рецензия пока не выявлена.

⁵ Вообще, в этой книге Андрей Николаевич довольно широко пользуется не только письменными документами, но и «преданием», тем, что слышал и знал сам.

⁶ См. об этом неосуществленном замысле в дальнейших письмах.

⁷ Третье действие «Млады» называется «Ночь на горе Триглаве».

⁸ См. следующее письмо и комментарий к нему.

назад фирма «М.П. Беляев» взяла назад свое намерение их издать: свободных средство мало, и их надо сохранить на издание музыки. Я надеюсь найти другого издателя. Письма Н.А. ко мне также останутся пока неиспользованными. Поэтому я не возражал бы, если бы вы их напечатали, но с условием, что подлинники будут по-прежнему являться моей собственностью и что за их предоставление будет уплачен гонорар в размере вами определенном. Гонорар этот не подлежал бы, конечно, высылке за границу, а был бы выдан в пределах Советского Союза указанному мной лицу.

Следовало бы по поводу двадцатипятилетия найти что-либо из музыки для издания. По моему мнению, представило бы практический интерес напечатание квартета, обращенного затем в симфоническую, с четвертой частью «В монастыре». Н.А. находил, что и в квартете эта вещь должна была прекрасно звучать. Может быть, у вас имеется черновик выпущенной части сцены Февронии с Кутерьмой, где было много прекрасной музыки? Этот отрывок также можно было бы напечатать. Если бы вы мне напомнили его слова!⁹

Здесьние друзья мои пристаю к мне, интересуясь моими старыми текстами. Я был бы очень обязан, если бы оказалось возможным за мой счет переписать и выслать копию текста «Эдипа», партитура которого со смерти композитора находится у вдовы покойного профессора консерватории А.А. Петрова¹⁰.

Что есть значительного по музыке в Советском Союзе? Какого мнения вы о Шостаковиче и, в частности, о его «Носе»? Что такое «Женитьба» Ипполитова-Иванова? Вообще, если есть время и настроение, порадуите меня письмом о ваших личных и о музыкальных делах. Передайте мой привет членам вашей семьи и моим старым любимым друзьям, называть вам которых, я думаю, излишне.

Я еще держусь пока, несмотря на сильную проседь, и физически, и психически; работаю очень усиленно по страховой математике, балуюсь философией, музыкой и поэзией, хотя для баловства остается очень мало досуга. Душой постоянно в России и со старыми друзьями, очень горю, что отношения с ними пришлось прекратить. Живу с женой и с сыном, пианистом с выдающейся техникой,

⁹ Фуга «В монастыре» в обработке для двух фортепиано напечатана в 49-м томе ПСС (М., 1959), в составе квартета в 27-м томе (М., 1955). Что же касается «черновика выпущенной сцены» Февронии и Гришки в «Китеже», то судьба этого автографа неясна, поскольку неясно, о чем именно говорит Бельский. В 14 дополнительном томе ПСС РК (М., 1962, под редакцией Г.В. Киркора) опубликованы многочисленные архивные варианты фрагментов «Китежа», в том числе относящиеся к сценам Февронии и Гришки. Но все это — небольшие отрывки, и именно варианты, а не неизвестная музыка. Вопрос нуждается, вероятно, в дальнейшем исследовании.

¹⁰ См. об этом либретто Бельского и судьбе рукописи в последующих письмах.

который вместе с тем в ближайшее время кончает многолетнее инженерное образование.

От всей души желаю успеха и благополучия. Нет ли у вас вашей карточки?

Крепко любящий вас В. Бельский

2.

Белград, 12 августа 1933

Мой дорогой Михаил Николаевич, огромное удовольствие доставили Вы мне сообщением некоторых подробностей о вашем житье-бытье. По этим разрозненным осколкам воображение мое, в роде нового Кювье, старается воспроизвести духовную жизнь моих дорогих старых друзей с их — незнакомым мне вовсе — молодым поколением. Такая игра, то есть ее результаты, очень меня утешают: я ожидал в этом отношении а priori коренных изменений против прежнего, но пока таковых не улавливаю. Пожелайте от меня от жены всяческих благ юбилярам по поводу серебряной свадьбы¹¹. На концерте в честь Н.А. я неистово восхищался несравненным мастерством Максимилиана Осеевича в его обработке отрывков из «Китежа» в сюиту. При просмотре партитуры я ее недооценил. Какими минимальными дополнениями он достигает успешной замены пропускаемого голоса солиста или хора, какой тонкий вкус! Я не мог припомнить, как относится предложенный им конец «Похвалы пустыне» к проекту самого композитора, который я ему показывал в подлиннике в давние времена¹². Очень обрадовало меня известие об окончании Четвертой симфонии [Штейнберга] — уже четвертой, когда я знаю только Первую.

Завидую Вам, что Вы могли перечест бесценные письма Н.А.¹³ Конечно, они прекрасны в своей деловой определенности, в своей категорической ясности и искренности, но все-таки все главное, все самое задушевное, все размышления, вся философия — было сказано на словах раньше или отложено до личного свидания. О, эти личные

¹¹ Речь идет о Надежде Николаевне, урожденной Римской-Корсаковой, и Максимилиане Осеевиче Штейнберге.

¹² Несомненно, Штейнберг, сделавший четырехчастную сюиту из «Китежа» уже после кончины композитора, следовал проекту, обсужденному ранее; автограф, о котором говорит Бельский, неизвестен. При издании Штейнбергом сделано примечание о возможности замены редких инструментов партитуры на более употребительные, а также о том, что «допускается исполнение при несколько уменьшенном составе оркестра».

¹³ Возможно, Андрей Николаевич ездил в Москву к Р.И. Бельскому для знакомства с письмами.

свидания и долговременные беседы! Как жалко, что Летопись Акати¹⁴, где сохраняются астральные отпечатки всего бывшего, сказанного и подуманного (Вы уже смеетесь) — только пленительная фантазия теософов.

Я с большим старанием и с большей еще осторожностью продолжаю записывать некоторые из этих бесед. Речи Н.А. со всеми характерными интонациями так и звучат предо мной, а как запишешь на бумаге, нет уже той жизненности и убедительности. Жалко, что работать над этим мне приходится только в мои *dilucida intervalla* [светлые промежутки], а они редко встречаются в моей затянувшейся свыше предполагаемого возраста трудовой жизни. Сейчас мне предстоит месяц отпуска, но я должен использовать его для поддержания здоровья. Югославия вся кипит целебными источниками. Я выберу из них менее людный радиоактивный углекислый источник и полекусь от моей болезни. Ведь по словам умнейшего и добрейшего проф. Метальникова¹⁵ (я думаю, Вы его знаете лично) старость есть неосмотрительно запущенная болезнь...

На этот раз кончаю дружеским пожатием руки и пожеланием благ. Агриппина Константиновна шлет сердечный привет. Напишите, когда будет можно, по городскому адресу: если я выеду, то письма мне будут доставлены на воды — по-сербски в «баню» — в течение нескольких дней.

Ваш В. Бельский.

3.

А.Н. Римскому-Корсакову

Доленские Топлицы, 31 августа 1933 года

Дорогой Андрей Николаевич!

Посланные вами плакаты и афиши Корсаковских празднеств произвели большое впечатление на здешних многочисленных русских музыкантов. Размах широкий. Конечно, здесь это невозможно. Но понемногу мы будем праздновать целый год. Афишу симфонического концерта вы имеете. В октябре Русское музыкальное Общество дает «Майскую ночь». Пока мы в поисках нового тенора, ибо намеченный нами русский поляк Манышевский отказался, будучи занят в загребской опере. В Белграде возобновляют «Царскую невесту», которая прежде очень хорошо шла с Волевач в главной роли. В Загребе осенью пойдут «Садко» и «Снегурочка», в Любляне «Снегурочка».

¹⁴ Летопись (Хроники) Акати (Акаши) — по Википедии, «теософский эзотерический, а также антропософский термин, описывающий мистическое знание, закодированное в нефизической сфере бытия».

¹⁵ Сергей Иванович Метальников (1870—1946), зоолог и иммунолог.

Неужели у вас не вышло к юбилею никакой книги или брошюры общего характера? Напечатан ли доклад А.В. Оссовского и ваш?¹⁶

Очень интересная идея — выставка Н.А.¹⁷, но прибавка к названию «...и его эпоха» мне не нравится. Все это еще не совсем история, не сдано в архив, эпоха Римского-Корсакова продолжается и посейчас, ибо до настоящей смены никто еще не пришел, и даже новых идеалов еще не выставлено. Или я ошибаюсь, это новое уже есть, только за границей еще не известно?

Спасибо вам, дорогой, за сведения о братьях и сестрах и их порастающем потомстве. В старости особенно радуют успехи молодых.

Могу успокоить вас. Наш милый Ив. Ив. [Лапшин] жив, здоров и видит настолько, что может читать и писать по-прежнему, но только при сильном освещении. Все-таки зрение держит его постоянно в страхе потерять трудоспособность. Я не только в переписке с моим старым другом, но года полтора или два назад он несколько месяцев гостил в Белграде, читал доклады и публичные лекции в Русском научном институте и в Русском музыкальном обществе, где он с исключительным успехом прочел ряд художественных лекций по истории русской музыки «Двенадцать силуэтов русских композиторов» с богатыми иллюстрациями. Он все тот же очаровательно незлобивый, совершенно забывающий о себе самом человек, преданный одновременно философии и музыке, всегда полный новых замыслов. Ив. Ив. только что окончил свою часть (философия и музыка) большого коллективного труда по истории человеческой мысли, до известной степени статистического характера, для американского издателя¹⁸. Он поражен и увлечен результатами исследований. По его душевным свойствам *Ив. Ив.* должен жить в семье или, по крайней мере, с другом. Устроиться и остаться в Белграде хотя бы со мной ему мешает незнание сербского языка, а в Праге он находится на иждивении чехословацкого правительства.

Я с женой сейчас живу в маленьком словенском «купалище» Топлицах, где мы два раза в день принимаем горячие углекислые, радиоактивные ванны, отдыхаем после каждой по полтора часа в постели в том же помещении, впитывая в себя обильную

¹⁶ В 1933 А.Н. Римский-Корсаков опубликовал текст под заглавием «Как работал Н.А. Римский-Корсаков» в журнале «Советская музыка» (1933. № 3) — возможно, по материалам своего доклада; текст доклада А.В. Оссовского вошел в его работу «Н.А. Римский-Корсаков — художник-мыслитель» [в сб.: А. Оссовский. Воспоминания. Исследования / Сост. В. Смирнов. Л., 1968].

¹⁷ Об этой выставке см. в статье Ларисы Чирковой «Дом на Загородном» [МА. 1994. № 2. С. 30—32]; выставка под указанным в письме названием проходила в Русском музее.

¹⁸ Об этих работах И.И. Лапшина см. во вступительной статье Л.Г. Барсовой в сб. «Неизданный Иван Лапшин».

радиоэманацию источника, а в небольшие промежутки между ваннами, отдыхами и едой наслаждаемся субальпийской сельской природой и... думаем. Особых болезней у меня нет, и я проделываю все это, чтобы скорее отдохнуть от прошлой зимы и подкрепиться для следующей. Остальные две недели отпуска проведем на синем Ядрене. Славянский берег Адриатического моря нисколько не похож на — может быть, известный вам — итальянский, ровный, плоский, песчаный и бесплодный; он сплошь изрезан глубокими заливами, лесистые горы круто спускаются к морю, множество старинных городков, где памятники старинной славянской государственности перемешиваются с дивными остатками венецианского владычества. Бездна небольших и больших островов. На одном из них — Рабе, почти целиком обращенном в парк, я намерен на короткое время основаться. Там закончу свой доклад о Н.А.

Крепко жму Вам руку. Юлии Лазаревне шлю горячий привет и поздравления с достигнутым успехом. Жалко, что по радио не поймаете «Багдадской розы»¹⁹, потому что в европейских программах русские станции не дают подробного содержания передачи. Агриппина Константиновна присоединяет свои искренние приветствия.

Любящий Вас **В.И.**

Извините за почерк: пришлось писать с локтем навесу.

4.

Белград, 14 ноября 1934

Милый и дорогой Михаил Николаевич, какой Вы добрый, что иногда вспоминаете о старом отшельнике и подаете ему вести о покинутом им мире живых! А за то, что Вы мне передали непосредственные впечатления от личного свидания с Р.И. [Рафаилом Ивановичем], которого я люблю все сильнее и сильнее и о котором узнаю только окольными путями, особенно благодарю Вас. Очень рад слышать, что, в общем, дорогая семья Корсаковых вместе с новым ее поколением состоит при интересном деле и движется вперед.

С нетерпением жду появления тех главных новостей, которые мне сулите. «Жизнь и творчество Н.А. Римского-Корсакова» по первому выпуску представляется мне чем-то совершенно исключительным не только по солидности материала, но и по художественной живописности изображения: это настоящий нравоописательный роман старого

¹⁹ Вероятно, речь идет о вокальном цикле Ю.Л. Вейсберг «Из персидской лирики» соч. 26 на стихи Омара Хайяма.

времени, бытовая картина, написанная однако не красками, а мозаикой из частных документов²⁰.

Страна наша, как Вы знаете, сейчас в глубокой печали²¹, и вся общественная жизнь, жизнь искусства приостановилась. Приостановилась и затеянная Н.Н. Слатиным постановка «Снегурочки» русскими силами²².

Лично же мы живем по-прежнему и за прежним делом, только в последнее время приходится часто бороться с болезнями в семье: Агриппина Константиновна хворает то сердцем, то печенью, сын страдает третий месяц чудовищным колитом, что впрочем не мешает ему увлекаться одновременно и развитием блестящей фортепианной техники, и архитектурными трактатами для университета, и домашними киносъемками, и даже парусным спортом. Сейчас он строит новую яхту, выгодно продав свою старую, благодаря ее успехам на гонках. Катанье по рекам у нас еще во всем разгаре, так как теплое бабье лето особенно затянулось. В минувшее воскресенье еще на прогулке по лесистым окрестностям мы набрали большие букеты полевых цветов.

У меня слишком много служебной работы, но много и затеянных личных работ. Эх, если бы мне выйти на пенсию! Но увы, все сроки здесь на старости лет пришлось начать с начала, и нужно будет работать с прежней досадой до самого конца. Нынче летом я провел свой пятидневный отпуск на одном маленьком зеленом островке (Колочене) в Адриатическом море, где однако налицо полный туристический комфорт, не говоря уже об образцовом купанье в море. Там, помимо отдыха и живительных прогулок по холмам и лесам, мне удалось и поработать «для души». Я записал в первоначальном наброске не только новую порцию моих воспоминаний о Н.А., но и подвинул значительно свой этюд об особенностях творчества Римского-Корсакова то есть о музыкальном строительном материале, эмоциональном характере музыки у Римского-Корсакова и о месте его в развитии русской культуры.

Мой доклад в Русском научном институте о посмертном сотрудничестве Римского-Корсакова и Мусоргского, о чем я Вам писал, все откладывается по не зависящим от меня обстоятельствам. Во-первых,

²⁰ Первый выпуск книги Андрея Николаевича «Н.А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество» вышел в свет в 1933 году.

²¹ В октябре 1934 был убит король Югославии Александр Карагеоргиевич (1888—1934); для русской эмиграции это была большая потеря, поскольку Александр, получивший образование в России, оказывал русским постоянное покровительство и поддерживал их культурные инициативы.

²² См. в приложении текст А.Б. Арсеньева о Русском музыкальном обществе в Белграде.

не могу достать первоначального издания «Бориса», несмотря на то, что Бессели в Париже его фотографически переиздали, но они что-то давно не отвечают. А оно мне необходимо для документирования моих сделанных на память утверждений. Равным образом у меня нет ни одного из русских памфлетов по поводу обработки «Бориса» Н.А. Если бы было возможно достать в Ленинграде хотя бы на время распроданную брошюру Глебова²³ и прислать ее мне для прочтения и выписок!

Вы мне напишете как-нибудь, не правда ли! Но только по верному адресу: Beograd, Drinčićeo, 32a Vladimir Belsky, а не на старую, оставленную 7 лет назад квартиру. Письмо Ваше после долгих скитаний попало ко мне прямо чудом: на почте разобрали на конверте имя Римского-Корсакова, поняли, что дело касается музыки и послали в конце концов в Русское музыкальное общество, где я состою председателем.

Крепко жму Вашу руку, шлю наилучшие пожелания здоровья и благополучия и прошу передать поклон всем Вашим.

Любящий Вас В. Бельский.

5.

Белград, 26 января 1935

Дорогой мой Михаил Николаевич, не могу Вам высказать, как меня огорчила смерть незабвенного Василия Васильевича [Ястребцева]. Конечно, он был достаточно пожилой — мой ровесник, но все же еще мог бы пожить. А сколько связано у меня с ним воспоминаний об общих эстетических восторгах. Истинный романтик, он был влюблен во все прекрасное как таковое — и прежде всего в саму жизнь — и увлекался им всегда безусловно искренно и неподкупно, ни к чему предвзятому или деланному он не был способен. Он умел красоте не только поклоняться, но и изучал ее объективно и всесторонне. Его наблюдения и сравнения в этой области были ценным и общим достоянием нашего кружка, и мы многим от него позаимствовались.

Что касается его мемуаров о Н.А., то записанные немедленно, протоколно точные и даже слишком мелочные, они представляют богатейший материал для знакомства с личностью композитора, но только... в руках опытного сердцеведа. Они лишены совершенно перспективы, и геометрической, и воздушной: все речи Н.А., хотя бы высказанные в шутку, с целью подразнить, в пылу спора или в минуту случайного каприза, — все подведено под один ранжир, все сделано

²³ Работа Б.В. Асафьева «К восстановлению "Бориса Годунова" Мусоргского» (Л., 1927).

одинаково важным. Вместе с тем, он — конечно, невольно — направлял свой слух преимущественно на те замечания Н.А., которые подтверждали его собственные вкусы и его собственные музыкальные воззрения, отдающие почти все абсолютному звуковому элементу музыки и почти пренебрегающие ее относительным значением, как выразительного и идейного.

Выдвигаемое мною отсутствие перспективы грозит превратить личность героя воспоминаний в разрозненную грудку разнородных и даже противоречащих черт, мнений и эмоций, объединяемых только общею всем нам беззаветною любовью к учителю как надприродному существу.

Я хорошо знаком с воспоминаниями В.В. и с восторгом перечту их в печати²⁴, но все-таки считаю, что для публики нужен их критический комментарий или, по крайней мере, указатель мест, трактующих один и тот же предмет.

Но и помимо воспоминаний, сколько было у В.В. ценных личных наблюдений и сопоставлений (история гармоний, цвета тональностей и многое, многое другое). Незлобивый, добрый, чуждый лукавства, всегда веселый или по крайней мере бодрый, наш дорогой

²⁴ Яркая и совершенно точная оценка мемуаров (дневников) Ястребцева, данная Бельским, отчасти объясняет историю публикации этого памятника. Уже при жизни композитора Ястребцев начал публиковать тексты о нем, опираясь на собственные дневниковые записи; еще больше таких текстов появилось в печати в первые годы после кончины Римского-Корсакова. Все это были фрагменты на конкретные темы, затем вышла и небольшая биографическая брошюра, но вскоре встал вопрос о публикации огромных по объему дневников, почти целиком посвященных Римскому-Корсакову. Это вызвало оживленную и даже ожесточенную дискуссию между Ястребцевым и представлявшим семью Андреем Николаевичем, который (подобно Бельскому) понимал, что в этих текстах запечатлены как слова Римского-Корсакова его оценки многих музыкантов, которые к тому времени, когда Ястребцев решил публиковать свои дневники, находились в живых. Наученные горьким опытом неадекватной реакции тех же самых лиц на выход Летописи, члены семьи встревожились. В ф. 902 в РНБ сохранилась переписка Андрея Николаевича и Ястребцева по поводу дневников, сначала очень резкая, чуть ли не до вызова на дуэль и во всяком случае разрыва отношений. В результате Ястребцев все же успел опубликовать в 1917 году маленькую часть своих дневников, до марта 1895 года, и практически без всяких комментариев. В дальнейшем, вплоть до кончины Ястребцева в 1934, переписка велась уже в мирном тоне: Андрей Николаевич обсуждал разные проекты публикации с издательствами; в частности, он предлагал сделать центром письма композитора к Ястребцеву, а воспоминания давать в виде связок и комментариев. Настоящая полная, двухтомная публикация под названием «Римский-Корсаков. Воспоминания В.В. Ястребцева» вышла только в 1959–1960 годах; ее осуществила группа ученых под общей редакцией А.В. Оссовского. Комментарии в этом издании носят почти исключительно фактологический характер.

Василий Васильевич заслужил почетное место в истории русской музыки. Вечная ему память!

Дорогой Михаил Николаевич, все письма и открытки Ваши я, благодаря верному адресу, получил аккуратно и своевременно. Не писал же Вам только потому, что для обстоятельного письма, какое хотелось Вам послать, не находил получаса свободного времени. Декабрь, январь и февраль в моей работе (актуарный и окончательный бухгалтерский отчет) требуют меня всего целиком — весь день и часть ночи, причем от остатка ночи я должен еще урывать кое-что для обязанностей по Музыкальному обществу. Вместе с тем и моя статья о «Борисе» затемненном и просветленном остановилась на все это время до половины марта.

Шлю Вам тысячу благодарностей и жму крепко руку за Ваше любвеобильное попечение обо мне грешном. Сборник о Мусоргском был мне совершенно незнаком, а сколько в нем важного для меня нашлось²⁵! А готовность Ваша выслать мне старое издание «Бориса» меня тронула до слез. К счастью, я могу ни у кого из Ваших близких не отнимать этой редкости, ибо мне удалось приобрести от А.В. Бесселя полную перепечатку издания 1875 года, кажется, только с пропуском, если память мне не изменяет, последней страницы сцены у фонтана, но она не нужна мне, так как пропускалась самим Мусоргским. А вот сравнение двух редакций «Бориса», сделанное В.В. Ястребцевым²⁶, мне было бы крайне полезно, как совершенно исчерпывающее предмет. Если бы было позволено снять с него копию (конечно, на мой счет), — может быть, заменив выписывание нотных примеров указанием точного порядкового номера тактов той и другой редакции. В своем докладе и статье я, конечно, с должным пиететом указал бы источник, которым я воспользовался. Впрочем, я понимаю, что это трудно, и на том не настаиваю.

Теперь по всей Европе еще продолжают вспыхивать празднования памяти Бородина. В Белграде торжественное исполнение «Игоря», симфонический концерт Филармонии и концерт в Русском музыкальном обществе, где предполагается исполнение его камерных произведений: квартетов, романсов и фортепианных вещей. Что делается у вас по этому поводу? Не нашли ли каких посмертных сочинений? Не издана ли оркестровая юмористическая фантазия на «Не уезжай, голубчик мой», которая в моей молодости исполнялась

²⁵ См. комм. 1.

²⁶ Ястребцев В.В. О причинах переработки сочинений Мусоргского // Музыка. 1913. № 135.

публично вместе с симфонией Щиглева²⁷. У Щиглева она и хранилась. Слышал я, что вышла о Бородине целая книга (Хубова) и переизданы письма, но до нас еще не дошло²⁸.

Получить номер музыкального журнала, о котором Вы сообщаете, без сомнения было бы очень интересно.

Когда мне полегчает с обязательной работой, я напишу еще, а также благодарю Вас от души за неослабное внимание, желаю Вам всяческих благ и прошу передать мой привет прочим членам семьи Римских-Корсаковых. Агриппина Константиновна также шлет Вам сердечный привет.

Извините за нечеткий почерк. Я забыл очки в канцелярии, а без них неудобно.

Крепко любящий Вас В. Бельский.

P.S. Сейчас прослушал по радио «Китеж»²⁹. Против обыкновения передача была очень неравномерна: оркестр было слышно очень мало, особенно басы, не говоря же о случайных шумах, которые были очень сильны. Кое-что скоровато, мистики мало, чудный бас без тени аскетизма и жестоко обидные купюры: пропущены и молитва Гришки с Февронией, и космогонические вопросы и ответы, и письмо Гришке, а что хуже всего, отдельные такты в большом количестве в дуэте в Призраком, но в итоге, конечно, хорошо.

В.Б.

6.

Рогатка-Слатина, 30 августа 1935

Дорогой друг Михаил Николаевич!

В последний раз я ограничился открыткой, ибо собирался в отпуск и лихорадочно заканчивал свои служебные дела. Сейчас мы с Агриппиной Константиновной находимся в унаследованном

²⁷ Эта фантазия не только не издана, но даже и совершенно неизвестна отечественному музыковедению. Равным образом неизвестна и симфония М.Р. Щиглева, архив которого вообще не сохранился.

Интересно, где мог Бельский в молодости слышать эти сочинения. Они могли исполняться (на фортепиано) в Беляевском кружке, но, насколько можно судить по документам, Бельский туда не был вхож. По предположению А.В. Булычевой, речь идет о Кружке любителей музыки, где Щиглев дирижировал в очередь с А.К. Лядовым, а Бородин возглавлял Музыкальную комиссию.

²⁸ Книга Г.Н. Хубова «А.П. Бородин» вышла в 1933 году, а письма Бородина публиковались С.А. Дианиным отдельными выпусками в течение многих лет (1928—1950) независимо от юбилейной даты.

²⁹ Поскольку известно, что Бельские постоянно слушали русское радио, можно предположить, что речь идет о спектакле Большого театра под управлением Н.С. Голованова (преьера 25 декабря 1934 года). Этот спектакль шел на сцене Большого до 1936. Основные купюры скорее всего были обусловлены цензурными условиями.

Югославией от Австрии Рогатке-Слатине, где с успехом лечат печень, почки и сердце. Агриппина Константиновна возится с печенью, а я просто отдыхаю, принимая углекислые ванны.

Прежде всего мне хочется поделиться восхищением от второго выпуска «Жизни и творчества Н.А. Римского-Корсакова.»³⁰ Лирики в моих словах не будет, так как первый пыл уже прошел, но впечатление осталось от этого замечательного труда глубочайшее. Я проглотил его запоем, не будучи в состоянии оторваться, как барышня от романа, забросив свои очередные дела. Это и есть роман по изобразительности, но вместе с тем и судебный протокол по точности и доказательности. Объективность абсолютная, хотя у меня в этом отношении одна оговорка, о которой ниже. Как очаровательна глава о Надежде Николаевне с ее ароматным девичьим дневником, где однако сильно предчувствуется Надежда Николаевна позднейшего времени; очень тонко проведен вопрос о ее влиянии на творчество Н.А. Но, должен сознаться, меня огорчил выбор автографа: как раз письмо по поводу недовольства автора «Салтаном», «Салтаном», где Н.А. может быть наиболее сам, чем где бы то ни было³¹. Когда «Салтан» писался или, правильнее сказать, выливался как вода из опрокинутого вверх дном полного ведра, автор был в упоении. Но у него бывало, что позднее он остывал к прежде написанному (кроме «Снегурочки», которую он всегда называл любимым детищем). Мне хорошо знакомы эти временные охлаждения (напомню хотя бы разочарование в этом чудном «Кашее» после его первой постановки у Зимина³²) а в данном случае несомненно играло роль и полемическое упрямство при защите «Царской невесты».

Исчерпывающе изображена история отношений с Балакиревым, но... до некоторой степени чрез круглые очки Николая Андреевича. Обаяние личности Балакирева, о котором говорит и «Летопись» Н.А., а теперь и дневник Надежды Николаевны, сохранялось за ним до последнего времени, только сфера его действия переместилась и значительно сузилась. Не говоря об оставшихся в его окружении композиторах, чьи имена известны, замечу, что с ним продолжали видаться

³⁰ Вышел в 1935 году.

³¹ По-видимому, здесь имеется в виду не второй выпуск, а автограф письма к Бельскому по поводу «Салтана», который автор книги намеревался воспроизвести в четвертом выпуске, где идет речь об этой опере. Возможно, автограф был впоследствии заменен, ибо опубликованный (между с. 140 и с. 141) автограф содержит не разочарование в «Салтане», а похвалу Бельскому: «Я напротив Вами очень благодарен и много доволен» (письмо от 18 июля 1899).

³² Бельский ошибается: премьера «Кашея» состоялась 12 декабря 1902 в Москве, в Товариществе русской частной оперы под управлением М.М. Ипполитова-Иванова.

постоянно мои друзья и знакомые, как В.В. Ястребцев, Г.Н. Тимофеев, Александра Христиановна Вессель, Казанли, Печковские. Я лично тоже поддался его действию, познакомившись с Балакиревым на одной из репетиций «Бориса» в Обществе музыкальных собраний. Очевидно, это обаяние имело какие-то реальные и положительные основания.

А веду я это к тому, что причина расхождения бывших друзей лежит не в отрицательных качествах личности Балакирева, хотя, конечно, его деспотические требования преклонения, грубость и резкость его суждений, косность его мнений, ригористический формализм в исполнении служебных обязанностей, может быть, даже мелочность и сплетничество, конечно, не могли привлекать к себе. Причину надо искать по-моему в том, что при полярном контрасте обе натуры были воинствующие. Н.А. был крайне свободолюбив, питал настоящее отвращение ко всему формальному и косному и так же не прощал людям отклонений от мнений широкого либерализма, как Балакирев ополчался против нарушения религиозных предписаний.

При безусловной объективности нельзя ставить в вину происшедший в Балакиреве катастрофический перелом к мистицизму и обрядовому консерватизму, перелом, типичный для многих русских великих людей. Автор отказывается от выяснения этого поистине чудесного обращения циника и безбожника в мистика и святошу, даже ханжу, а между тем понятно, что ему должно было предшествовать нечто ужасное по трагизму. Ходит легенда, сообщенная мне в свое время А.Х. Вессель, верной ученицей Балакирева, что он ухаживал однажды за больной любимой родственницей (сестрой, кузиной или теткой — не помню) и по ошибке дал ей не то лекарство, и она скончалась, оставив Милию Алексеевичу муки вечных угрызений совести. По словам рассказчицы, постоянные размышления об этом событии подготовили полный переворот в душе невольного убийцы. По поводу исполнившегося в нынешнем году 25-летия его смерти, вероятно, сейчас производятся разыскания. Этот факт совершенно необходимо установить, пока не поздно. Я постараюсь здесь в Белграде собрать по этому пункту некоторые сведения³³.

³³ Это сенсационное сообщение не имеет ни аналогов, ни каких бы то ни было документальных подтверждений. Но устойчивость подобной легенды заставляет внимательно отнестись к ней. Кроме того, по указанию М.Г. Раку [за которое сердечно ее благодарю], некий намек можно найти в Дневниках С.С. Прокофьева, в записи от 15 сентября 1928, когда у Прокофьева гостил Б.В. Асафьев: «...Разговоры о Могучей кучке, о злом характере Римского-Корсакова, о какой-то тайне в жизни Балакирева...» [Сергей Прокофьев. Дневник. Т. II. Париж, 2002. С. 639]. О «тайне» Асафьев мог слышать в ранней молодости от В.В. Стасова, очень любившего Бориса Владимировича. Определение «злой характер» по отношению к Римскому-Корсакову несомненно связано с неудовлетворенными композиторскими амбициями Асафьева.

Автор мимоходом намекает на несколько уязвленное самолюбие Николая Андреевича, как на один из мотивов к охлаждению, ибо Балакирев якобы приуменьшал творческие силы Н.А., приписывая его дарованию «женскую природу». Едва ли это так. Во-первых, такой приговор вынесен Балакиревым уже в первые времена их сближения, когда об охлаждении не могло быть и речи. Во-вторых, смысл этого афоризма сомнителен. Н.А. говорил без всякой горечи, что Балакирев считал его сочинительскую натуру женственной и требующей оплодотворения со стороны другой — мужской — натуры (Балакирева) семенем чужой идеи или другим поставленного задания. Я допускаю, что первоначально, вследствие крайней молодости Н.А., — это могло быть и верно, пока муза его не созрела и не возмужала до Аполлона. Тут нет и хулы, собственно, ибо как женская природа не дает плода без мужа, так и мужские элементы творчества бессильны принести плод без его долгого вынашивания женщиной. Я не имею здесь писем Балакирева и не могу привести ссылки в подкрепление своего мнения. Имейте в виду, что понимание этого выражения в смысле умаления достоинств творческого гения Р.-К. не вяжется с общеизвестным фактом, что Р.-К. был любимым «учеником» и главной надеждой Балакирева³⁴.

Но если бы даже я был в этом отношении неправ, кажется мало естественным, чтобы Н.А. при своей трезвой самокритике вменял в вину своим друзьям недостаточную оценку его дарования, хотя и огорчался этим. Пример — В.В. Стасов. Н.А. знал прекрасно, что тот вначале ставил его по таланту даже после Щербачева, что Стасов постоянно и успешно мешал его музыкальному влиянию на Мусоргского, что он считал его музыку не вполне народной. И тем не менее Н.А. всегда относился к нему с добродушным и снисходительным подшучиванием и, в сущности, даже любил его.

Все эти пространные замечания касаются только двух-трех маленьких моментов капитального труда Андрея Николаевича, и я придираюсь к автору только потому, что предмет самый слишком жив для меня и самая работа близка к совершенству.

С нетерпением жду следующего выпуска. Как он будет называться?

Существует ли еще кто-либо из Юргенсонов в Москве? Как Вы полагаете, могу ли я обратиться к ним с просьбой, чтобы они написали издателям, эксплуатирующим оперы Н.А. за границей о моих авторских правах на текст? Или это было бы для них

неприятно и неудобно? В настоящее время при постановках «Салтана» и «Золотого Петушка» где-либо, кроме Франции, меня совершенно игнорируют: переводят без спроса и просмотра, издают, поют на сцене, не давая мне никакого участия в тантиеме. Защищать свои права теперь, когда издатели нотный материал не продают, а только дают напрокат, совершенно невозможно, ибо театры хотят иметь дело исключительно с издателем а издатели злонамеренно забывают либреттиста. В сущности, выходит так, что единственный радикальный способ обеспечить за границей Союза принадлежащие мне права на текст состоял бы в том, чтобы досточтимые наследники композитора подтвердили издательствам, эксплуатирующим сочинения Н.А. за границей (по-видимому, Universal Edition в Вене или Schott в Майнце), что в плату, взимаемую с театров за оперы, должна входить и подлежащая непосредственной выплате либреттисту доля последнего, в свое время условленная с композитором или наследниками. Это было бы не только справедливо в материальном отношении, но и целесообразно, ибо давало бы мне право защищать литературную сторону произведения.

А насколько это важно, видно хотя бы из примера предстоящей постановки «Китежа» у нас в Загребе. Издательство не интересуется текстом, но мне удалось самостоятельно добиться просмотра перевода. И что же оказалось? Целый ряд мест (почти весь Гришка) был не понят и истолкован совершенно неожиданно. Хотя бы, например, Гришкины слова «давай Бог ноженьки» были поняты как требование от Бога казней против татар. В итоге пришлось переделать значительную часть в остальном удачного перевода. Пересмотр текста дал повод вмешаться и в купюры, которые везде требуют как искупительную жертву. Я выторговал очень много — даже письмо³⁵, — но кое в чем пришлось уступить.

Первое представление состоится 21 сентября. Афиша для музея будет прислана.

Еще один вопрос. Был однажды такой случай на «Борисе Годунове» у Моласов. В.В. Ястребцев при исполнении одного особенно красивого по гармонии места вдруг вспомнил, что те же самые последовательности аккордов встречаются у Римского-Корсакова и невольно взглянул в его сторону. Н.А. поймал его взгляд и спокойно и довольно громко сказал: «Это мое!» Записан ли этот эпизод в воспоминаниях

³⁴ См. размышления на эту тему Т.А. Зайцевой в статье «Римский-Корсаков и Балакирев: неразмыкаемый диалог» [Наследие Н.А. РК в русской культуре. М., 2009. С. 42—67] и ответный текст М.П. Рахмановой в сб. «Балакиреву посвящается» [Вып. 3. СПб., 2014. С. 235—243].

³⁵ Имеется в виду часто делавшаяся при постановках купюра письма Февронии к Гришке из последнего действия.

Василия Васильевича, и если да, то не могу ли я попросить выписать это места с указанием страницы?³⁶

Но довольно, я слишком заболтался, письмо слишком длинно, хотя и старался писать мельче. Крепко жму Вашу руку с благодарностью за Вашу прежнюю лучистую любезность и доброту, всегда пленявшую меня. Прошу передать Вашим всем мой душевнейший привет.

Ваш В. Бельский.

Белград, 19 сентября 1935

Письмо мое из Рогатки-Слатины осталось неотправленным; я забыл захватить с собой Ваш точный адрес и должен был отложить отправку до возвращения в Белград. Отдых и лечение очень нам помогли, но мою работу о редакции сочинений Мусоргского Н.А. закончить не успел, хотя и продвинул очень значительно: слишком много уходило времени на прогулки по лесам и горам.

Завтра еду в Загреб на 1-е представление «Китежа».

В.Б.

7.

Белград, 1 октября 1935

Дорогой Михаил Николаевич, со ссылкой на предыдущее более длинное письмо препровождаю Вам для музея Николая Андреевича афишу первого представления «Китежа» в Загребе и вообще в Югославии. Я мог бы послать и кое-какие рецензии на сербско-хорватском языке, но не знаю, нужны ли они для музея и возможно ли вообще пересылать газетные вырезки. Опера прошла прекрасно и с блестящим внешним успехом. Очень хороши и оркестр, и хор, и солисты, и постановка. Я был приглашен директором на спектакль. Этому директору капельмейстеру Барановичу³⁷ принадлежит главная заслуга в этом деле.

Опять затрудняю Вас справкой. На стр. 440 «Писем и документов» Мусоргского под 5 февраля 1872 года отмечено исполнение финала

³⁶ Речь идет о музыкальных собраниях с исполнением кучкистских опер в доме А.Н. Молас в 1890-х годах. «Борис Годунов» исполнялся 22 ноября 1892. Ястребцев записал данный случай именно в тех выражениях, в каких излагает его Бельский, и указал на конкретное место: гармонию на словах Пимена «Задумчив, тих сидел пред нами Грозный». Далее Ястребцев комментирует: «...Это есть не что иное, как дословное повторение характеристики Ивана Грозного из его «Псковитянки» при словах князя Юрия Токмакова: «А отца не знаем», — только диезный строй был заменен соответственным энгармоническим бемольным...» [Воспоминания. Т. 1. С. 61].

³⁷ Крешимир Баранович (1894—1975), хорватский композитор и дирижер.

1-го действия из «Бориса» в Р.М.О. под управлением Направника³⁸. Что надо понимать под этим финалом? Почему нет никаких следов или упоминаний об этом исполнении нигде?

Крепко жму Вашу руку и поздравляю с этим новым успехом музыки Н.А.

Ваш В. Бельский.

8.

Белград, 14 января 1936

Дорогие мои далекие друзья Михаил Николаевич и Андрей Николаевич, не сердитесь на меня, что получил от вас отдельные — крайне интересные и любезные — письмо, я отвечаю вам сейчас общим письмом. То, что я сказал бы одному из вас, мне хотелось сказать и другому, а писать два письма чуть не одинакового содержания даже как-то совестно. Прежде всего хочу поблагодарить вас и за полученный том переписки Балакирева со Стасовым (как любопытно!), и за «Летопись», и за брошюру Глебова, и за песню Гюльнэры, в которой глубокоуважаемая Юлия Михайловна [Вейсберг] даже на такой торной дороге, как русский Восток, сумела найти чарующие свежестью и простотой фиалки, и за те ценные разъяснения к биографиям РК и Мусоргского, в коих я нуждался. Впрочем, в последнем отношении я жду еще подробностей: от Михаила Николаевича номер страницы (если это находится уже в напечатанной части) и выписку точного текста того места воспоминаний Ястребцева, где Н.А. при исполнении одного гармонического хода из «Бориса» у Моласов заявляет «это мое!», а от Андрея Николаевича справку о том, что исполнялось в концерте РМО 5 февраля 1872 года под наименованием финала первого действия «Бориса» (М.П. Мусоргский. Письма и документы, стр. 440). Обе справки эти приобрели для меня особенное значение, и я жажду подтверждения моих предположений.

Очень убедительны замечания Андрея Николаевича на мою критику истории отношений Балакирева и Корсакова, но Вы, Андрей Николаевич, чрезмерно преувеличили претензии моей критики. Я только приятельски обратил внимание 1) на известную внешнюю односторонность Вашего изложения этой истории, вызванную независимостью от Вас односторонностью материала, и 2) на необходимость для будущего биографа Балакирева установить событие, сделавшееся поворотным пунктом в его духовном развитии. Ваша гипотеза, что Балакирев позднейший есть однобокое развитие

³⁸ Действительно, такое исполнение имело место; в частности, запись о нем имеется в Дневнике А.Н. Пургольд.

задатков, таившихся в нем с его молодости, справедлива по-моему лишь в малой степени. Мне попалась не так давно на глаза сделанная когда-то выписка из письма Чайковского к фон Мекк, относящегося к 1877 году: «Балакирев — самая крупная личность кружка. Но он замолк, сделавши очень немного. У него громадный талант, погибший вследствие каких-то роковых обстоятельств, сделавших из него святошу, после того как он кичился полным неверием»³⁹. Как будто на что-то подобное, то есть на наличность рокового события намекал когда-то мне покойный профессор консерватории А.А. Петров, вдова которого находится в Ленинграде. (Это та самая дама, у которой я как-то давно просил поискать мое либретто «Эдипа».) У родителей О.В. Печковской, напомнившей мне теперь эту легенду о невольном убийстве Балакирева, М.А. бывал изредка в свой последний период, когда не было других гостей, бывал очень весел, острил, хвастался между прочим своим участием в создании Кузьмы Пруткова и декламировал принадлежащую его перу вещь, не попавшую в окончательные «Ногти». Срезанные в огромном количестве ногти вывозятся в телеге на свалку и тихо поют. Я помню два первых стиха:

От руки ли, от ноги ли — все равно,
Мы отставку получили уж давно.

Он был очень откровенен, говорил много о прошлом, но интересующего меня вопроса никто не смел касаться.

Жду с нетерпением очередного выпуска Вашей дивной книги, чтобы проглотить ее сразу не вставая с места.

По поводу истории Санкт-Петербургского Общества музыкальных собраний Андрей Николаевич напоминает мне о начатых воспоминаниях и не прочь был бы почерпнуть из них сведения о нем. Правда, я его уже касался, но увы! Данные мои здесь очень отрывочные и недокumentальные; я даже не решился сгруппировать упоминания о нем в одном месте. Вам легче в Ленинграде достать и официальные следы Общества и живых свидетелей, как Ал. Вяч. Оссовский или Владимир Ив. Гаффе. Кроме того в Берлине живет А.А. Давидов, чей адрес несомненно знают в Париже. Общество существовало только Алексеем Августовичем⁴⁰. Конечно, если бы не бессвязность и скудность моих сведений об Обществе, я бы с удовольствием предоставил их Вам, ибо

³⁹ Письмо П.И. Чайковского к Н.Ф. фон Мекк от 25 декабря/5 января 1878.

⁴⁰ В результате воспоминания об Обществе музыкальных собраний записал для А.Н. Римского-Корсакова Р.И. Бельский. Рафаил Иванович рассказал в своем тексте и о деятельности братьев Давидовых (см.: МА. 1994. № 2. С. 144). Однако фамилия Гаффе в связи с Обществом нигде не называется.

воспоминания мои подвигаются плохо и не скоро выйдут в свет. Вы представить себе не можете, как это трудно оторванному от родной земли, несмотря на то, что память сохранила все отдельные зрительные и звуковые картины в полной живости и яркости! Я хочу, чтобы рассказ был безупречно правдив, с крепкими вехами в виде точных хронологических дат а не имею в распоряжении для ориентировки ни одного письма Н.А., не только к себе, но даже ни одной напечатанной переписки (значит, ни с Кругликовым, ни со Стасовым), ни даже изданной части воспоминаний Ястребцева, что одно уже было бы большим подспорьем. Без всякой хронологической опоры запечатлевшиеся в памяти изображения как бы плавают, то сближаясь, то расходясь, иногда даже переставляясь и меняя свой порядок. Правда, можно было так и излагать, не ручаясь за календарь, но к этому я прибегну только окончательно отчаявшись завести надлежащий порядок.

Другое еще более существенное препятствие моей работе — отсутствие свободного времени, особенно зимою. Например, сейчас я в состоянии написать сразу обстоятельное письмо моим верным друзьям только потому, что с неделю уже хвораю гриппом, с насморком, кашлем, повышенной температурой и головной болью. Пора, ох, пора бы на покой от подневольной работы! Сколько невыполненных намерений научного, философского и литературного рода ждет у меня своей очереди!

Очень благодарен, дорогие друзья, и за отзывчивость, с которой вы встретили мои случайные жалобы на затруднения с авторским правом. К «Китежу» эти сетования никак не относились, ибо Попечительный совет имени М.П. Беляева всегда выплачивает мне условленную долю прокатной цены нотного материала, поскольку он получает ее сам. Но для упорствующих: фирмы Василий Бессель и К° в Париже («Салтан») и Robert Forberg, Leipzig, Talstrasse, 19 (преемник Юргенсона — «Золотой петушок») не обойтись без письма со стороны наследников композитора с подтверждением прав либреттиста на долю тантьемы [авторских отчислений] от представлений. Самостоятельно доказывать свои права для меня в современных условиях вещь абсолютно немислимая.

Я очень обязан вам обоим за все свалившиеся с неба книги и ноты, но мне стыдно вводить вас в такие расходы. Разве не допустимо, чтобы я покрывал понесенные протори и убытки при посылках? Или это противоречит почему-либо существующими правилам? А жаль, ибо «съешь один калач крупичатый, по другому горит душа»⁴¹, а чрез венскую Universal Edition ничего не достанешь.

⁴¹ Цитата из хора корабельщиков в «Сказке о царе Салтане».

Теперь до свидания, милые, любимые друзья, простите, что я вас затрудняю справками, скорее приличествующими какому-либо бюро сведений о кредитоспособности, и не смейтесь надо мною, если я что-нибудь пишу вторично. Делать копии со своих писем и в них потом справляться, нет ли повторения, свыше моих сил.

Вместе с Агриппиной Константиновной шлю новогодний привет и самые горячие пожелания всех благ всей дорогой семье Римских-Корсаковых и их дорогим свойственникам. При случае передайте наш душевный привет родным москвичам: разлука и разобщение с Р.И. [Рафаилом Ивановичем] есть величайшее огорчение заката моей жизни.

Крепко любящий вас В. Бельский.

9.

Белград, 31 марта 1936

Дорогой друг Михаил Николаевич!

С глубоким волнением читал я драгоценные страницы писем Н.А., — и, цепляясь одно за другое, поплыли передо мной, как в кинематографе, воспоминания о наших с ним встречах и совместной работе. Мне стал ясен как никогда смысл моего кратковременного и урывчатого общения с великим человеком, которого никак не смею назвать своим другом. С моей стороны это было прежде всего бескорыстное служение его «призванию». Я старался по мере слабых сил убрать и сгладить все мелкие препятствия и неудобства на пути Н.А., чтобы обеспечить большую свободу проявления его творчеству. Но иногда я держал и сам указывать ему пути, которыми он еще не следовал, в убеждении, вынесенном из любовного изучения личности творца, что именно там ему суждено свершить великое. Обыкновенно я оказывался при этом прав. Н.А. для меня уподоблялся драгоценному сосуду, несущему сверхъестественную благодать, а потому и самый сосуд — его личность — сделался для меня священным, и быть возле него было счастьем. Все другие мои духовные интересы, хотя я сильно увлекался и философией, и науками, и искусствами, казались мне уже второстепенными. По-моему, и Н.А. проникал в мои чувства к нему и принимал их благосклонно, как жертву, но не себе, а что ли «Садку», «Салтану», «Китежу», «Петушку» и проч., объективируя вовне свое призвание.

Однажды шел разговор в присутствии Надежды Николаевны о друзьях, иногда разбалтывающих в ненадлежащем месте вещи, которые без особых пояснений могут быть истолкованы во вред, Н.А. сказал с улыбкой, обращаясь к Надежде Николаевне: «А вот Владимир Иванович никогда меня не выдаст, даже если и знает, что я виноват. Правда?» — И Надежда Николаевна повторила смеясь: «Да, это

правда!» Сцена, заставившая меня покраснеть от счастливого стыда, врезалась мне навсегда, как доказательство того, что чувства мои были оценены и приняты с безусловным доверием.

Простите мне такое изложение: слишком я переполнен отголосками былого.

Спасибо за книжку, чудесно изданную, очень любопытную и «моему козырю в масть», как говорил Мусоргский.

Мы все глубоко опечалены смертью Александра Константиновича [Глазунова], как она ни была близка про его возрасте. Ушел завершитель дела Могучей кучки, передаваемого теперь в архивы истории. Будем поминать его публичной лекцией и концертами. В Югославии он совсем не известен и как немодернист а priori не встречает симпатии.

Весна в разгаре. Все цветет. С завтрашнего дня, по обычаю, в нашей канцелярии переходят на летний порядок занятий, и я буду иметь лишние два часа свободных в день.

Привет Вашим. Пишите, когда будет время.

Любящий Вас В. Бельский.

10.

Римские Топлицы, 12 августа 1936

Дорогой мой друг, бесконечно давно не имею от Вас вестей и сам Вам не писал, предполагая, что Вы в отъезде. Я сейчас с Агриппиной Константиновной на туземных минеральных водах, пользуемся радиоактивными углекислыми ваннами, вдыхаю живительный горный воздух, хожу много по горам и занимаюсь на свободе моими заветными работами. Во время нашей Nachkur на море, где не будет лечебных предписаний, я буду иметь для писания и обдумывания еще больше досуга, но и теперь уже голова моя полна сочными и вполне определившимися видениями прошлого.

Как-то свалилась с неба книга «М.П. Мусоргский. Статьи и материалы», часть 1, где в предисловии стоит, что одновременно выпускается в свет и часть 2 «Личность Мусоргского». Нельзя ли бы было ее достать. Я видел в одном печатном каталоге советских изданий заглавие «М.П. Мусоргский. Статьи и исследования», но как она ни интересна сама по себе, это по-видимому не то⁴².

⁴² Действительно, речь идет о совсем разных изданиях. «Статьи и исследования» — это сборник, посвященный «Борису Годунову» (М., 1930); «Статьи и материалы» — сборник «М. П. Мусоргский. К 50-летию со дня смерти» под редакцией Юрия Келдыша и Вас. Яковлева (М., 1932). Первый сборник был обозначен как «часть 1»; вторая его часть не выходила. Ко второму сборнику вторая часть и не планировалась (что позже понял сам Бельский). В дальнейшем он снова смешивает эти издания.

Очень любопытно, что Вам ответили музыкальные издательства по поводу авторских за «Салтана» и «Петушка», Я от них никаких сведений не имею.

Вы желали знать историю постановки «Китежа» в Загребской опере.

После трех первых представлений, прошедших с большим материальным и художественным успехом, на четвертом представлении, тоже при хорошо наполненной зале, произошел скандал. При выходе певца Стефанини (прекрасный Гришка) во 2-м действии студенты из стоячих мест сзади партера забросали его гнилыми яйцами и даже камнями, ушибив некоторых артистов, так что пришлось опустить занавес, пока не выведут буянов. По моим расспросам оказалось, что у хорватской молодежи с ним счета: он далматинец и не признает себя хорватом, каким должен быть по их мнению далматинец. В итоге, хотя спектакль и был благополучно закончен, Стефанини подал в отставку, а «Китеж» снят с репертуара, пока другой тенор (Вичар) не выучил партии. Я слышал последнего по радио: в вокальном отношении он вполне удовлетворителен. Но публике он понравился меньше, да и время было упущено. К тому же и дирижер, талантливый Баранович (директор оперы) заболел на несколько месяцев. Опера больше не шла, но по словам директора в предстоящем сезоне она появится опять.

Возвращаясь я в Белград к 10 сентября, но если бы Вы, дорогой Михаил Николаевич, имели что спешное или просто желали бы меня порадовать вестями из мира искусства или сведениями о житии-бытии Вашем и Ваших, то пишите не обинуясь в Белград. Сын мне перешлет немедленно. Мне все интересно, что касается семьи Римских-Корсаковых в широком смысле: связывавшие меня с вами нити от расстояния не разорвались, а только растянулись и, может быть, несколько ослабли.

Агриппина Константиновна шлет также искренний привет Вам и Вашим.

Крепко любящий В. Б.

11.

Белград, 14 ноября 1936

Дорогой старый друг Михаил Николаевич, спасибо Вам за открытку. Я всегда так бываю рад, когда Вы мне черкнете несколько слов о том, как Вы и все Ваши живут и работают. Я очень часто вспоминаю наше первое знакомство больше 45 лет тому назад, в университете, когда Вы мне с такой гордостью рассказывали о попытках

Бючли⁴³ получить механически протоплазму и зажигали меня. Я тогда решил, что Вы уже стали настоящим ученым. Хотелось бы Вас увидеть воочию. Сохранили ли Вы свой нежно девичий цвет лица и восторженны блеск в глазах? <...>

Мне здесь говорили, что в одном из советских журналов появилось недавно исследование о происхождении легенды о Китеже или «Китежского летописца». Вы такого не читали? <...>

Мы все здоровы. Работаю я еще больше прежнего, к сожалению не в научной и не в литературной области, а в области ремесленной математики страхового общества, а в первых областях тружусь только урывками (хотя и настойчиво). Беспреданно думаю о далеком Севере, где сейчас «холодный дождь идет и ветер дует», а все да лучше белградского лета в середине ноября. <...>

12.

Люблина, 11 сентября 1937

Мой драгоценный друг, давно я Вам не писал, будучи занят от февраля этого года длительной расчетной работой. Эта спешная и нервная работа в течение полугода отнимала у меня весь день, часть ночи и требовала моего внимания целиком. Я вспоминал Вас беспреданно, но времени даже для открытки не находил. <...>

Письма из Ленинграда доходят безукоризненно: это только по отношению к печатным произведениям наши власти проявляют чрезмерность, отсылая назад невинные книги по искусству, а я без них прямо томлюсь. Жду с нетерпением очередных выпусков «Жизни и творчества Н.А.» (прежде всего)⁴⁴ и многое другое, что у вас вышло. Переслать мне все можно переотправкой или через Прагу, если у Вас есть там знакомые, или через Париж, хотя бы при помощи милейшей и любезнейшей мадам Щупак или Беляевского совета. Все расходы будут мною немедленно или даже предварительно возмещены, причем с Беляевским советом у меня постоянные расчеты. И вот, кроме выпусков «Жизни и творчества», я очень просил бы достать для меня еще «М.П. Мусоргский. Материалы и исследования», отсутствие чего мне не дает покоя; я не хочу, чтобы в моей работе о посмертном сотрудничестве двух гениев было что-либо из материалов упущено. <...>

Крепко жму Вашу руку.

Любящий Вас В. Бельский.

⁴³ Летом 1901 М.Н. Римский-Корсаков работал в Зоологическом институте Гейдельбергского университета под руководством профессора О. Бючли (1848— 1920).

⁴⁴ В 1936 вышел третий выпуск труда А.Н. Римского-Корсакова, в 1937 — четвертый. Оба выпуска в конце концов попали в руки Бельского.

13.

Белград, 17 января 1938

Спасибо, дорогой друг Михаил Николаевич, за Ваше любезное письмо и за подробные вести о жизненных и культурных успехах Ваших близких. Таким образом я нахожусь с Вами в более тесном мысленном общении, и это меня радует. Я очень благодарен Вам, что Вы снисходительно не забываете меня, скучного старика, несмотря на мори редкие письма. Я цепляюсь за Вашу верную дружбу, за мои воспоминания о вечно любимой семье Корсаковых, ибо тем живу, тем более что мы здесь вообще, как капли деревянного масла в воде, одиноко не смешиваемся с окружающей нас действительностью. <...>

По пути из курорта мы посетили несколько городов, где бывали в молодости, что, конечно, радостно развлекало и помогало отдыху. Между прочим был я и в Лейпциге и даже заходил к Роб. Форбергу (заграничному преемнику Юргенсона), говорил с главою фирмы о своих авторских правах на текст «Золотого Петушка» вне Франции, где они незыблемы. Результат, к сожалению, неутешительный! Он не берется охранять права либреттиста в Германии, считая, что, особенно при исполнении оперы на немецком языке, нет объекта для защиты, ибо вознаграждение автора текста есть производное от вознаграждения композитора и может отчисляться только по добровольному соглашению с последним и за счет его вознаграждения, что уже в мои расчеты никак не входило. Копии моего договора с Юргенсоном он не имеет и даже Вашего письма по этому поводу не помнит и отыскать не может. В разговоре он очень жаловался на слабый интерес к «Золотому Петушку» в Германии, приписывая его качествам музыки (!), и только «Встреча солнца», по его словам, начинает становиться популярной в последнее время и даже обещает сделаться для его издательства тем же, чем является чудесная песня Индийского гостя для фирмы М.П. Беяева, которая в оригинальном виде и в аранжировках буквально кормит издательство. <...>

Русской музыки здесь исполняется меньше, чем где-либо в Европе. Из русских опер, кроме «Онегина», ставится только «Катерина Измайлова», которая идет в трех городах с сенсационным успехом, встречая однако и горячих противников. Критика, ожидавшая найти в этой опере последнее слово модернизма, разочарована, но сюжет очень всем по вкусу. В симфонической музыке, кроме Шестой симфонии Чайковского и «Шехеразеды» ничего не дают. Дают иногда балет Н.Н. Черепнина «Тайна пирамиды». <...>

Крепко любящий Вас В.В.

P.S. 20.01. Вчера в Белграде восхищались передаваемой по радио симфонией Максимилиана Осеевича. Какая выпуклая, яркая индивидуальность! Вся целиком очаровательна, а финал особенно. Забыл

сказать, что в духовных концертах Белграда нередко появляются песнопения из «Страстной седмицы»⁴⁵, исполняемые с любовью и даже с пиететом.

14.

Белград, 12 июля 1938

Дорогой друг Михаил Николаевич, не писал Вам давно, все поджидая присылки последнего [четвертого] выпуска «Жизни и творчества Н.А. РК». Теперь я убедился, что все пути даже для невинных книг по музыке из Советского Союза мне, по непонятным причинам, заказаны и — сказать по правде — впал в уныние. <...>

Чем у вас будет ознаменована 30-я годовщина смерти русского гения? Еще есть кое-что, что бы следовало издать. Я очень жду фортепианного трио⁴⁶. Н.А. придавал ему значение, весьма желал его издания, но находил необходимым, чтобы партия фортепиано было просмотрена и отрецензирована с пианистической стороны. Я помню, как он просил об этом Лядова при мне, а когда Анатолий Константинович, охотно обещав, ничего не сделал, он просил о том же Глазунова. Также было бы интересно опубликовать II редакцию «Псковитянки», как за ее музыкальные достоинства, так и потому, что она представляет необходимое промежуточное звено, которое объясняет мнимый скачок от сурово аскетической первой «Псковитянки» к мягкой лирике «Майской ночи».

Не возобновят ли в Союзе «Сервилию»? в ней есть удивительные вещи⁴⁷. С каким бы удовольствием я бы пересмотрел эту полузабытую оперу, но за границей Союза ее не существует вовсе. И напрасно, ибо, например, в Италии это произведение могло бы рассчитывать на крупный успех.

Здесь в Белграде на надлежащие поминки РК нельзя надеяться. Сербские практики и прозаики, в искусстве футуристы, и созерцательная красота его музыки им совершенно чужда. В опере возможна разве новая постановка давно не шедшей «Царской невесты». Русская

⁴⁵ Имеется в виду цикл для хора а cappella М.О. Штейнберга (op. 13). Свидетельство об исполнении его частей в Белграде очень интересно, поскольку и в России, и в других странах этот прекрасный цикл с подзаголовком «По старинным русским распевам» был прочно забыт — вплоть до наших дней (2014), когда он был переиздан американской фирмой «Musica Russica» и записан на диск.

⁴⁶ Сочинение было закончено М.О. Штейнбергом и впервые исполнено в 1939; издано в 1970.

⁴⁷ «Сервилия» возобновлялась в России всего два раза — Оперным ансамблем ВТО в 1944 (разовое исполнение) и Самарским театром оперы и балета в 1994. И только в 2016 году первую полную постановку и запись «Сервилии» осуществил коллектив Камерного музыкального театра имени Б.А. Покровского под управлением Г.Н. Рождественского.

колония, вообще относительно малочисленная, содержит совсем мало любителей настоящей музыки, но тем не менее Русское музыкальное общество конечно устроит что-нибудь в камерных размерах. Может быть, удастся заполучить в Белград Н.Н. Черепнина: тогда дадим и симфонический концерт. <...>

Пишите пожалуйста. Знайте, что всякая Ваша открытка, всякое Ваше сведение о Вашей семье доставляет мне великое утешение. <...>
Вечно любящий В.Б.

15.

Белград, 4 октября 1938

Дорогой друг Михаил Николаевич!

Только что получил привезенный мне из Праги IV выпуск «Жизни и творчества Н.А.». Не успел еще начать настоящее чтение, но уже предвкушаю содержание. О впечатлении напишу как только прочту, а сейчас должен Вам рассказать о новом покушении на сочинения РК и посоветоваться что предпринять. Знаменитый Фокин ... занялся «Золотым Петушком». Вы помните, конечно, его опыт замены певцов танцовщиками, но все же с певцами за кулисами; в свое время мы ополчились на него чрез французское Общество авторов и воспрепятствовали продолжению его бесчинства по крайней мере в Париже⁴⁸. Теперь голоса устранены из партитуры вовсе, музыка сокращена, обрезана, переставлена, чтобы служить упадочной фантазии талантливого фигляра. Наш первый танцовщик в Белграде Жуковский уже обратился ко мне с просьбой пособить своей осведомленностью в намерениях композитора при этом богомерзком деле. Новая перелицовка уже исполнялась в Берлине, Лондоне, Америке, а теперь автор хочет ее еще усовершенствовать для Парижа.

Как воспрепятствовать всему этому. Конечно, что касается Франции и Бельгии, я могу протестовать через посредство Société des auteurs et compositeurs dramatiques, где я полноправный член и имею авторское право (конечно, доленое) на целое произведение. Правда, именно во Франции Фокину хочется показаться в обретенном им новом наряде, сшитом из драгоценных лоскутков исторических мантий, украденных из музея. Я сделаю что могу, но хотелось бы, чтобы и наследники композитора благородно выступили с подобным же заявлением.

Но у Фокина дальше на очереди Италия, Германия и другие страны, где авторское право на оперу понимается неделимо принадлежащим

⁴⁸ Имеется в виду спектакль Дягилевской антрепризы, показанный в 1914 году; он вызвал очень резкие протесты в прессе со стороны семьи Римских-Корсаковых; прямо указывалось на нарушение Дягилевым и его сотрудниками авторских прав.

композитору, если только тот от себя по своему почину не уделит долю либреттисту. Там я связан и не в силах предпринять ничего. В этом случае наследникам надлежит, по моему мнению, направить издателю Роберту Форбергу в Лейпциге, а через него фирме, которой передана эксплуатация «Золотого Петушка» (кажется, Schott und Söhne) решительное запрещение балетной обработки во всех странах мира. <...>

Вечно мысленно с Вами. Ваш В.Б.

16. Открытка

2 апреля 1939

Дорогой Михаил Николаевич, я окончил свою отчетную работу и буду в состоянии Вам написать подробно по поводу IV выпуска чудесной книги А.Н. Пришлю Вам афишу спектакля в честь столетия со дня рождения Мусоргского, в котором не указано, что редакция принадлежит РК. Итак, через несколько дней напишу Вам опять.

Привет всем Вашим. Ваш В. Бельский.

17.

Белград, без даты [апрель 1939]

Дорогой друг Михаил Николаевич, наконец-то я добрался до письменного стола, чтобы набросать Вам более обстоятельное письмо. Мой актуарный отчет давно кончен, но на меня свалилось много другого дела (в связи с новыми правилами надзора за страховыми обществами), а сверх того были и некоторые хлопоты по Музыкальному обществу, как устройство юбилейного концерта в память Мусоргского и проч.

Прежде всего по поводу IV выпуска «Жизни и творчества Н.А.».

Как и в прежних выпусках, восхищаешься выпуклостью и четкостью изображения и «симфонической» слитностью цитат и текста. Все рассказанное переживаешь вновь едва ли не с той же силой, как было когда-то в действительности. Материалы биографа становятся в этом выпуске много гуще и обильнее, чем прежде. Местами чувствуется даже известная перегруженность фактичностью. Кажется, что и автор замечал ее и как будто в готовый уже текст вносил в последнюю минуту сокращения. В результате неравномерность повествования, в отдельных местах изображение в различных масштабах. Так, например, перипетии с недооценкой артистического значения Н.И. Забелы со стороны Мамонтова кажутся читателям слишком подробными и документальными, тогда как глубокий творческий кризис автора и недовольство собою, наступившие после написания трех первых картин «Садко», — кризис, дошедший до того, что, убирая в нижний ящик стола рукопись сцены на торгу после ее показывания нашему тесному кружку, Н.А. сказал многозначительно: «Пусть полегит! Может быть, я и совсем кончать не буду», — как-то затушевываясь.

О перегруженности материалами я говорю только с точки зрения постороннего читателя, для меня же и для многих других, так сказать, «специалистов» по РК изобилие документов не может быть чрезмерным; за всякое лишнее слово спасибо. Что касается, в частности, Н.И. Забелы, ввиду ее исключительных качеств и той близкой дружбы, которая была у нас с ней в последние годы, страницы, ей посвященные, мне особенно дороги.

Не могу утерпеть, чтобы не добавить нескольких примечаний к отдельным местам книги.

Страница 23. Я сделался вхож к Моласам вместе с братом по рекомендации В.П. Семенова-Тяншанского и был встречен Александрой Николаевной чрезвычайно любезно. Мы слышали там почти весь [кучкистский?] репертуар, познакомившись данным образом в прекрасном исполнении (в почти авторском толковании) с обожаемыми образцами русской музыки, известными нам по клавираусцугам, которые мы доставали от Штрупа.

Страница 17. Я был близок с [Николаем Федоровичем] Грушке, но я ничего не слышал о его занятиях у Н.А. Во всяком случае он был бойким пианистом, находчивым импровизатором на рояле и большим любителей и старой, и новой музыки.

Сестры Чертовы имели весьма слабое понятие о Марксе⁴⁹, по крайней мере младшая из них в ранней молодости увлекалась идеей служения народу и мучилась социальными противоречиями.

Н.К. Крупская в музыкальный кружок Чертовых отнюдь не входила, а бывала у них как однокурсница младшей дочери, в составе группы молодых математичек Бестужевских женских курсов, которые не будучи в силах следить за курсом профессора — академии Имшенецкого пригласили студента-математика как репетитора. Этим студентом был я.

Страница 27. Правление С.-Петербургского Общества музыкальных собраний (в сущности, оба Давидова и Гольденблум) после постановки «Псковитянки» решили поискать что-нибудь иностранное на этот год; иначе пришлось бы поставить другую оперу новой русской школы и рисковать быть «заподозренными в партийности». Когда нас с братом попросили порекомендовать что-нибудь, мы назвали «Бенвенуто Челлини» Берлиоза и «Геновеву». Не «Геновева», но временный отход от пропаганды русской музыки вызвал разочарование

⁴⁹ А.Н. РК пишет: «Сестры Чертовы увлекались учением Карла Маркса и были преданными слушательницами анатома проф. Лесгафта». И далее: «У них на вечерах можно было встретить будущих политических деятельниц — племянницу В.В. Стасова — Елену Дмитриевну Стасову и Надежду Константиновну Крупскую».

в кружке любителей последней. Н.А. также высказал мне как-то по этому поводу свое сожаление. Более видные музыканты игнорировали репетиции и представления «Геновевы», кроме однако Н.А. Бойкотировали оперу и Ястребцев, и Штруп. На одной репетиции Н.А. сам обратил мое внимание на такой бойкот, добавив буквально: «И совершенно напрасно. Тут многому следовало бы поучиться, не говоря уже о хорошей музыке. Свободный ариозный стиль плавно переходит в закругленные формы... А какой чудный “Кюи” в хорошем смысле этого слова в начальной сцене II действия!»

Статья Лароша нам была совсем неизвестна, ибо его мы тогда принципиально не читали⁵⁰.

Страница 28. Конечно, это не было первым исполнением «Хованщины».

Страница 31. Чье письмо приведено здесь?⁵¹

Страница 47. Неужели 4 октября 1895 года «Садко» был показан целиком в первой редакции? В первой редакции, если не считать эскиза, существовали только три картины.

Страница 50. Рафаил Бельский был против переработки «Бориса» только а priori, до ознакомления с его новым видом, а затем стал его восторженным безусловным поклонником.

Не буду дальше надоедать Вам этими скучными мелочами. Буду с еще большим нетерпением ждать V выпуск. Я думаю, что в некоторых случаях мои запаздывающие воспоминания могли бы, если не служить опорным документом, но во всяком случае направить мысль исследователя. Временами я стоял к творчеству Н.А. ближе всех. Смущает меня очень невозможность достать у нас в библиотеках вышедшие выпуски воспоминаний В.В. Ястребцева: только у него я мог бы найти необходимые мне хронологические даты, чтобы в расстановке и порядке событий у себя [так! — М.Р.]

⁵⁰ Речь идет о статье Лароша в «Театральной газете» об исполнении «Хованщины» 27 октября 1893 антрепризой Дудышкина и Безносикова; она подробно цитируется в книге А.Н. Римского-Корсакова.

⁵¹ Это письмо, адресованное Е.Н. Лебедевой, широко цитируется в позднейших работах, но автор письма до сих пор точно не известен; предполагается, что это И.И. Лапшин (имя которого А.Н. не назвал, возможно, по цензурным условиям — высылка русских ученых, и в их числе Лапшина, из России на «философском пароходе» была слишком заметным событием).

Напомним фрагмент из этого замечательного письма:

«В его [РК] творчестве начинают проступать симптомы последнего великого периода всякого творчества. Для автора “Похищения из сераля” наступили минуты, когда он принялся за Реквием; за Пасторальной симфонией явилась *Missa solemnis* и последние квартеты; на смену Зигфрида пришел Парсифаль. <...> Я надеюсь, что религиозная музыка Римского будет мощная, жизнерадостная, а не покаянная, гнетущая — Словом à la Васнецов, и не à la Нестеров...»

Скажу еще, что с каждым выпуском ценность замечательного труда повышается в геометрической прогрессии, свидетельствуя о большой выдержке его [так! — М.Р.] литературного таланта.

Живем по-прежнему. Здоровье мое весьма удовлетворительно, но Агриппина Константиновна по временам похварывает: шалит сердце.

Мои волнения по поводу переделки «Золотого Петушка» продолжают. Здешний балетмейстер Анатолий Жуковский на днях долго меня убеждал, что таковая переделка, к тому же идущая по извлечению из оперы (полтора часа времени), сделанному мастерской рукой Н.Н. Черепнина, никак не помешает возможным постановкам оперы, а только будет больше популяризировать дорогое всем нам имя композитора⁵². Я ему должен был дать обещание, что я запрошу еще раз о мнении на этот счет детей автора. Поэтому я очень прошу сообщить мне Ваш общий ответ. Жуковский не сомневается, что вы согласны, и указывает на недавний прецедент: балет «La princesse Sугне» из музыки «Салтана», который, как Вы знаете, много давался в Grand Opéra в Париже. Правда, что там опера никогда не давалась.

Очень огорчен, что мне не дошла книжка о Балакиреве⁵³: Вы, вероятно, получили ее обратно. Повторяю, что единственный путь пересылать через Попечительный совет в Париже, то есть через милейшего Н.Е. Черепнина, если у Вас нет любезных знакомых в Англии.

Не помню, сообщал ли я Вам, что И.И. Лапшин в прошлом году тоже написал краткую биографию Балакирева. Рукопись находится у меня и будет вскоре издана здешним Музыкальным Обществом с приложением нескольких неизданных писем Балакирева, найденных в Праге. Нет ли у Ваших хорошего портрета Балакирева, чтобы его воспроизвести при книге? <...>

Любящий Вас В. Бельский.

18.

Белград, 8 июня 1940

Простите, дорогой друг Михаил Николаевич, за долгое молчание. Причиной перерывов в переписке у меня всегда бывает накопление спешной служебной работы. Теперь я ее закончил. Кроме того, я успел переслужить в своем страховом обществе все предельные возрастные сроки и волей-неволей вынужден выходить с начала 1941 года в отставку. Мне дадут пенсию, но пенсия моя составит меньше

⁵² По данным О.М. Томпаковой, обработка «Золотого петушка» была сделана Черепниным после 1925, поставлена в 1937 в Лондоне в балетной версии М.М. Фокина, затем повторена в США.

⁵³ Возможно, книга Г.Л. Киселева «М.А. Балакирев. Краткий очерк жизни и деятельности». М.—Л., 1938.

половины моего жалования, и мне придется очень сократить свои потребности, ибо сбережений я не имею никаких. К тому же сын мой Воля, который находится на хорошей дороге и прекрасно работает, еще не на ногах, так как общая хозяйственная депрессия, результат европейской войны, очень отражается на его профессии. Зато времени свободного я буду иметь гибель и намереваюсь выполнить все начатые работы во всех областях и прежде всего воспоминания о Н.А. и «Посмертное сотрудничество РК и Мусоргского».

Не досадуйте, дорогой, если Вам приходится читать об этом вторично, но мне кажется, что Вы не получили ни одного моего письма.

Сведения о постановках опер Н.А. в Югославии я могу Вам сообщить сейчас суммарно, а через некоторое время, если удастся, и с официальными датами первых постановок. Так, в Белграде мы имели прекрасную постановку «Царской невесты» (с Волевачем и Холодовым), затем «Царя Салтана» в убогих декорациях, наконец — в виде балетов — «Шехеразаду» и «Золотого петушка». Последний был совершенно изуродован рукой местного композитора Христича, и я был бессилен что-нибудь сделать виду неопределенности моих авторских прав. В Загребе давали с большим успехом «Снегурочку», «Садка», «Салтана» и наконец «Китеж». В Белграде еще шла по частной инициативе «Майская ночь» (силами Русского музыкального общества 15 ноября 1933 года). Вот и все.

Все книги, о которых Вы упоминали в письмах, мною получены (последние: две популярные биографии Мусоргского — Поповой и Туманиной⁵⁴) и прочитаны. Все, кому я их давал, остались довольны. Но, конечно, обе книжки для слишком широкой публики. <...> Мысль Ваша переслать старый экземпляр «Сервили» с автографом меня восхитила, но не слишком ли дорога почтовая пересылка? Еще очень бы хотелось получить две вещи: 1) печатное либретто «Китежа» и особенно 2) писанный на листках текст «Эдипа». У меня здесь только конец его, сочиненный позже, а очень бы нужно привести все в порядок. Когда же, когда же выйдет V выпуск «Жизни и творчества»? <...>

Как и всюду, в Белграде усердно празднуется столетие рождения Чайковского, причем на одном радио было уже 16 концертов. Но программы безнадежно толкутся на одном месте. Мое Музыкальное Общество дало камерный концерт, который, кроме фортепианной сонаты, дал более чем 30 романсов, большинство которых было здешней публике незнакомо.

Крепко жму руку. Ваш В. Бельский. <...>

⁵⁴ Попова Т. М.П. Мусоргский. М.—Л., 1939; Туманина Н. М. Мусоргский. М.—Л., 1939.

19.

Белград, 14 июня 1940

О мой дорогой друг, получил я Ваше страшное известие [о кончине Андрея Николаевича РК 23 мая 1940 года] и онемел от ужаса. Потеря невознаградимая и для Вашей семьи, и для памяти Николая Андреевича, и для молодой науки истории русской музыки. Выдающийся талант и в области исторической проницательности и объективности, и в художественном умении изложить результаты своих исследований, всесторонне образованный, неутомимый в работе, он представляет совершенно особое явление среди современных музыкальных писателей. И как всегда, смерть случайна и скашивает стебель, переполненный жизненными соками и творческими силами. Я не нахожу слов утешения.

А кто же довершит монументальную биографию великого отца, кто продолжит вновь эту громадную работу синтетической мысли, которая с такой любовью и силой объединяла и осмысливала все отдельные факты и Наверное уже захватывала весь труд до его будущего конца? Никто чужой к этому даже подойти не может. Разве только Вы, дорогой Михаил Николаевич, были бы в состоянии взять на себя окончание этой задачи, если бы Вы не были поглощены целиком Вашей научной работой⁵⁵.

Передайте наше душевное сочувствие многоуважаемой Юлии Лазаревне и всем Римским-Корсаковым, Троицким и Штейнбергам. Если будет некролог с датами, ради Бога, пришлите мне, чтобы можно было почтить незабвенного Андрея Николаевича несколькими строками и в Югославии.

Ваш В.Б.

20.

Белград, без даты [декабрь 1940]

Дорогой друг Михаил Николаевич, спасибо за книжки, которые чудесно свалились с неба прямо мне на письменный стол. Это

⁵⁵ В целом прогноз Бельского оказался верным: Михаил Николаевич (скончался в 1951 году) не стал продолжать труд брата, а написал свои воспоминания об отце; в работе над пятым выпуском книги А.Н., опубликованном в 1946, принял участие младший брат — Владимир Николаевич, который с тех пор стал пристально заниматься наследием отца, как бы переняв эстафету от Андрея Николаевича.

Во вступлении к пятому выпуску (от издательства Музгиз) утверждается, что этот выпуск был «в основном закончен и сдан в издательство в 1940 году, но Великая Отечественная война помешала своевременному выходу книги в свет». Неизвестно, что означает «в основном», но этот выпуск, особенно последняя глава, производят впечатление ускоренного темпа изложения: возможно, автор спешил завершить работу и оставлял возможность дополнений на период работы с издательством.

счастливый случай, ибо новых распоряжений по почте не было Я был в восторге. О вновь обретенных письмах к Голенищеву-Кутузову и говорить нечего⁵⁶: они касаются как раз «смутного» времени Мусоргского, темного для всех биографов, и опровергают иногда высказывавшиеся подозрения, что параллельно с развитием его алкоголизма терялась ясность мыслей в его голове. Многие, что он говорил в молодости, оказывается из новых писем всегдашним свойством его натуры. Но и милая, и талантливая повесть о Мусоргском [Поповой], дань царящей теперь моде европейских авторов вызывать у публики особый интерес к своему произведению популярным именем героя, заслуживает внимания.

Боже мой, до каких искажений знакомого любимого образа здесь обыкновенно доходит! Вам, может быть, известны хотя бы «Мусоргский» парижского Лукаша и «Чайковский» парижской же Берберовой. Обе книги меня возмущают, несмотря на талантливость авторов. Последняя все строит на сплетнях о ненормальном отношении Чайковского к половой любви! А у Лукаша Мусоргский изображается мистиком, которого посещают полурелигиозные-полулюбовные видения, придана ему мировая скорбь как основной жизненный мотив и даже есть нечто в роде Сони Мармеладовой, — одним словом, Достоевский в музыке! Напротив того, повесть Поповой проста и скромна, придерживается основных линий подлинной биографии и только иногда пользуется чуждым описательным материалом из другого места и времени, что впрочем в повести для юношества дозволительно.

Только 17 декабря вернулся я с Агриппиной Константиновной из своего позднего и короткого отпуска. Был в Греции, где было тепло и солнечно. Видел много интересного. Видел Кносс и Фест на о. Крите, остатки совершенно своеобразной культуры, разрушенной нашествием варваров за 4000 лет до нашего времени, сидел в Кноссе один подолгу и отдавался игре фантазии, строя себе картины далекой, непонятной, но довольно высокой цивилизации. Ходил со знатоком археологии французским профессором Левассоном, которого там случайно встретил, священной дорогой к храму Аполлона в суровых Дельфах, пил из Кастальского ключа, стоял благоговейно расселине, где вещала когда-то Пифия!

Когда-то, кое-как оправившись после смерти Николая Андреевича от моего парализующего горя, я погрузился в изучение античной

⁵⁶ М. П. Мусоргский. Письма к А.А. Голенищеву-Кутузову. Комментарии П.В. Аравина. Редакция и вступительная статья Ю.В. Келдыша. М.—Л., 1939. Сенсационная находка была сделана П.В. Аравиным в Отделе письменных источников Исторического музея.

трагедии, продумал и прочувствовал не только все, что дошло до нас в целости, но изучил и груды фрагментов недошедших до нас вещей с бесподобными объяснениями Ф.Ф. Зелинского. Там все вспомнил вновь и всем вновь проникся.

Вы, может быть, помните, что я по просьбе Шаляпина и А.С. Танеева сочинял трилогию на легенду Эдипа в новом, хотя и все-таки античном, освещении? Последние страницы я дописывал уже в Белграде, но, увы, все остальное вероятно пропало для меня безвозвратно. <...>

Поездка меня очень освежила. И хотя трудно было сразу переноситься из Древней Греции в зеленую Вечашу, я еще в Афинах развернул свои «мемуары». Но уподобился в данном случае нашему милому Лядову, который осенью с самоудовлетворением рассказывал друзьям, что все лето оканчивал баркаролу: добавил только две страницы.

В Белграде меня ждало радостное известие, что мой старый друг Иван Иванович [Лапшин], который было совсем ослеп, сделал себе операцию катаракта и стал снова трудоспособен и полон энергии.

Получение двух интересных книжек, понятно, меня никак не насытило, а еще больше раздражило. Теперь мне, между прочим, очень бы хотелось достать не более и не менее как клавираусцуг «Сервилии». Дело в том, что я имел как-то случай познакомиться с братьями Амфитеатровыми, сыновьями известного беллетриста⁵⁷. Они осели в Италии, стали: один чудным виолончелистом, а другой прекрасным дирижером, пользуются значительным весом в музыкальных кругах Италии и большие поклонники Н.А. Вот я и хочу попробовать чрез них познакомить итальянских импресарио с Сервилией. Она должна понравиться итальянской публике. Материал в случае желанья они, конечно, достанут из Москвы.

Вы меня спрашивали, что дается по радио из сочинений РК. Я, кажется, Вам не писал, что из радиостудии в Риме два раза передавался по-итальянски «Китеж» в безукоризненном исполнении (даже это касается Гришки), но с ужасными купюрами, особенно в конце. Из других сочинений исполняется неизменно часто индийская песня из «Садка» (во всех переложениях), «Шехеразада» и ария Шемаханской царицы. Дальше следуют сюиты из «Золотого Петушка» и «Салтана», «Шмель» оттуда же; затем Воскресная увертюра, сюита из «Снегурочки», «Охота и гроза» из «Псковитянки», сюита из «Воеводы», увертюры «Майская ночь» и «Царская невеста», Фортепианный концерт и струнный квартет. <...>

⁵⁷ Имеются в виду, вероятно, Даниил и Максим Амфитеатровы.

Любящий Вас В.Б.

P.S. Если будете мне опять посылать, может быть, прибавите третий выпуск «Жизни и творчества», зачитанный у меня, который мне никак не удается выписать чрез книжный магазин. На адресе лучше поставьте после фамилии: *Président de la Societé Musicale Russe*.

21.

Белград, 23 февраля 1941

Дорогой друг Михаил Николаевич, как обидно, что наша переписка становится односторонней. Мои открытки и закрытые письма, видимо, не доходят, тогда как я имею удовольствие прочитывать все Ваши письма. Я получил все, что Вы упоминали в Ваших письмах: и хронограф жизни Мусоргского, и автобиографическую памятку Вашего покойного брата, и его прекрасную фотографию, и сообщение о тяжелой болезни и выздоровлении Р.И. [Рафаила Ивановича]. Я в отчаянии и не знаю, что предпринять. Я к Вам, как Вы наверно чувствовали, всегда питал совершенно особую симпатию с первого нашего разговора (говорили о Бючли и его искусственной протоплазме) и еще больше полюбил заочно по переписке. Лишиться общения с Вами значило бы не только потерять старинного друга, но и порвать последнюю связь с окружением Николая Андреевича и очагом его культа. Поэтому ради Бога пишите, хотя бы моих ответов и не видали, все-таки пишите, если некогда, то хоть по два слова на открытке. Я уже пережил однажды подобный удар, когда потерял связь с моими родными.

О здоровье моем пока не беспокойтесь: я еще ничем серьезным не хвораю, хотя удручают меня по зимам мои ноги. Кожа и суставы стопы так опухают, особенно если есть морозы, что не могу надеть никакой обуви. Я, конечно, продолжаю выходить, но это причиняет мне острые боли. Я это приписываю недостатку какого-то неизвестного гормона, и в этом сказывается мой возраст. Работаю целый день с малыми перерывами, но слишком разбрасываюсь, ибо слишком энциклопедичны мои интересы. Я вознамерился довести до конца все планы, задуманные с молодости и позднее. Теория центральных средних величин с приложением к измерению интенсивных величин, этюды по философии (главным образом психофизический параллелизм и свобода воли), этюд о творчестве Н.А., этюд о его посмертном сотрудничестве с Мусоргским и, наконец — самое важное — воспоминания. Кроме того я хочу завершить в литературном отношении, в виде стихотворных драм, большинство замыслов Н.А., как то: «Навзикаю», вторую часть «Неба и земли», «Сказание о царе Петре

истинном и ложном»⁵⁸, а может быть и «Стеньку Разина», Я постоянно возвращаюсь мыслью то к тому, то к другому. Как видите, дела много, и необходимо лихорадочно торопиться. К сожалению, приходится терять бездну времени на прозаичные дела ради заработка, который очень существенно сократился. Пишу Вам обо всем этом отчасти потому, что Вы наверно меня браните за медленное продвижение вперед моих воспоминаний. И при этом Вы правы все-таки: это последнее дело самое насущное, ибо кроме меня никто не может этого сделать. Кстати сказать, я никаких предложений (преждевременных!) от издателей по поводу воспоминаний не получал.

Жду от Вас очередной открытки, а также обещанной присылки нот и книг. Привет всем Вашим от меня и Агриппины Константиновны.

Крепко любящий Вас В.Б.

22.

А.К. Бельская — М.Н. Римскому-Корсакову

Шветцинген, 5 мая 1947

Дорогой Михаил Николаевич, как я всегда радуюсь, получив от Вас письмо, так и пахнет чем-то близким. Из описания Вашего письма мне кажется, что я знакома с Вашими детьми и внуками. Какое счастье, когда большая, дружная семья. Сколько интересов, переживаний. А когда соберутся все вместе, какое, я думаю, оживление. У меня скучная маленькая семья. Как-то общей жизни нет. Я езжу в Гейдельберг к покойному Владимиру Ивановичу, ношу цветы, сижу и плачу о своей утрате. Вы спрашиваете, слушаем ли мы радио, — да, но только русской музыки почти не слышим, так бы хотелось послушать «Салтана», «Золотого петушка», «Сервилию». Как грустно, что у нас нет нот, чтобы поиграть на рояле и попеть. А сколько чудных романсов! В Белграде было много музыки, оперы, концерты. Было Музыкальное общество, давались русские оперы и концерты. Да и у нас дома часто устраивались музыкальные вечера с оперными певцами.

Посылаю Вам копию с письма В.И., оригинал послать боюсь, вдруг пропадет. Передайте привет всей Вашей милой семье. Берегите себя, лечитесь. Йод очень полезно принимать, только в меру. Покойный Владимир Иванович последнее время тоже принимал его.

От И.И. Лапшина тоже жду обещанную книжку, но что-то от него нет никаких известий, боюсь, не захворал ли он. Стал И.И. очень слаб своим здоровьем.

Всего хорошего. Крепко жму Вашу руку.

Агриппина Бельская.

⁵⁸ Нигде более не упоминается о подобном замысле.

23.

В.И. Бельский — М.Н. Римскому-Корсакову

Шветцинген, 7 июля 1945

(копия рукой А.К. Бельской)

Дорогой друг Михаил Николаевич, наконец я получил случайно возможность дать Вам весть о себе после долгих и тяжелых для меня лет разобщения. Мне пришлось за это время столько пережить, что всего и не расскажешь. Сообщу только, что при одном воздушном нападении на Белград моя квартира со всем имуществом — большим роялем, богатой книжной и нотной библиотекой и, главное, со всеми моими реликвиями, фотографиями, письмами, заметками и готовыми сочинениями, была разбита в прах и затем сожжена. Между готовыми писаниями погибли обширные воспоминания, большая биография Балакирева в рукописи (автор И.И. Лапшин), математическая теория центральных величин, три законченных оперных текста — «Навзикая», «Стенька Разин», «Город Энох»⁵⁹. Эти три текста, памятники сотрудничества с незабвенным Н.А., я полагал предложить для работы М.О. [Штейнбергу] и Прокофьеву. Равным образом сторел большой этюд об особенностях творчества РК, который я в свое время переслал в Ленинград в распоряжение покойного Андрея Николаевича [РК] как материал для последнего выпуска его мемуарного труда⁶⁰. Все мое прошлое оказалось стертым дотла, и я обнищал и материально, и духовно.

Позднее, при начавшемся исходе немцев из Югославии, я с женою были эвакуированы военными властями, якобы для спасения, в Германию, где меня нашел мой сын Всеволод, который уже с начала германской оккупации был принудительно вывезен из Белграда и поставлен на работу в Людвигсхафене и еще до нашего появления успел пережить 170 воздушных бомбардировок фабрики, в которой он работал. С сентября 1944 года ни я, ни жена не могли найти работы и живем при сыне, но оба сохранили полную трудоспособность, хорошее зрение, слух и даже относительное здоровье, хотя оба чрезмерно исхудали на немецких хлебах.

⁵⁹ Об этой работе тоже ничего не известно; имеется в виду вторая часть «Неба и земли»: Энох — сын Каина, построивший город.

⁶⁰ Такого текста в архиве А.Н. Римского-Корсакова пока не обнаружено. Возможны два предположения: текст не дошел до адресата; текст дошел, но не сохранился, а материал его был использован А.Н. в работе без упоминания автора. Кроме того, Бельский пишет о «последнем выпуске» труда, и это может быть прочтено по-разному: последний опубликованный выпуск (посмертно) — пятый, но если у Бельского была информация по общему плану книги, он знал, что последний выпуск — шестой (неосуществленный), в котором помимо справочных материалов должны были найти место общие характеристики творчества композитора.

Предпринятое мною восстановление воспоминаний и этюда о творчестве Н.А. страшно затрудняется полным отсутствием материалов: у меня нет здесь ни «Жизни и творчества РК», ни воспоминаний Ястребцева, ни «Моей музыкальной жизни», которые мне необходимы для установки фактических и хронологических вех. Сгорели у меня также необходимые копии писем Н.А. ко мне, пересланные в свое время мне Андреем Николаевичем в Белград взамен полученных им моих драгоценных подлинных реликвий, а также и копий моих писем к нему. Со скуки и огорчения я перевел всю I часть и кусок II части «Фауста» с точным соблюдением метрики и всех конкретных музыкальных особенностей стихосложения Гете, чего не сделал ни один из моих предшественников.

О вас всех вспоминаем не только часто, но, можно сказать, ежеминутно и все время беспокоились за вашу участь, особенно же при варварской блокаде и бомбардировке Ленинграда немцами. Как бы хотелось иметь сведения о личной жизни Вашей и Ваших. Во всяком случае передайте наш горячий привет своим дорогим сестрам, дорогому М.О. [Штейнбергу], Ю.Л. [Вейсбергу], а также и Р.И. [Бельскому], чей адрес сгорел, не сохранившись в памяти⁶¹. Оставаться в Германии мы никак не собираемся и собираемся куда-либо уехать. Что Вы об этом скажете? Что посоветуете? Скорей бы установилось сообщение.

Живем в 7 км от Гейдельберга (Schwetzingen, Nordbaden 17 Muhlenstr.). Кончая длинное письмо, шлю Вам пожелания всего лучшего со всей Вашей семьей.

Крепко Вас любящий В. Бельский.

24.

А.К. Бельская — М.Н. Римскому-Корсакову

Шветцинген, 19 июля 1947

Дорогой Михаил Николаевич, была счастлива, что получила от вас весточку и узнала все подробности о вашей семье. Все как выросли! А я почувствовала, какая же я теперь старая. 27 лет я давала уроки пения, теперь лишена этой возможности. У меня сделалась сердечная астма, мучительные припадки и, конечно, никакого дыхания, петь без дыхания невозможно. А чем жить? Пора бы и мне за Влад. Ив. уйти в могилу, да что-то смерть медлит. Я тоже не могу примириться с мыслью, что умер Максимилиан Осеевич, еще рано для него.

⁶¹ К моменту написания этого документа в живых не было уже Ю.Л. Вейсберг (умерла 1 марта 1942 года в блокадном Ленинграде, где погиб и единственный сын ее и А.Н. Римского-Корсакова) и Р.И. Бельского (умер в 1942м). Неизвестно, дошла ли до В.И. Бельского позднее весть о смерти брата.

Окончил ли он «Небо и Земля»?⁶² Как я страдаю, что у меня погибло все имущество. А главное, нет ни одной оперы покойного Ник. Андр. со словами покойного Вл. Ив., как, например: «Золотой Петушок», «Царь Салтан», «Китеж», «Небо и Земля», романсы. Вот пересчитываю Вам это, а сама плачу.

Владимир Иванович умер в 1946 году, 28 февраля, в 7 часов утра в клинике и похоронен на Гейдельбергском кладбище⁶³; если хотите, то я могу прислать его карточку в старости. Письмо покойного Вл. Ив. для Вас придет Вам Ив. Ив. Лапшин.

Я тоже хорошо помню вас шафером на нашей свадьбе. Вы были тогда совсем юный. Представляю как живую вашу маму Надежду Николаевну в черном платье с красными цветами, поздравляющую нас в церкви.

Вы пишете, что в архиве покойного Андрея Николаевича имеется краткая биография Вл. Ив., написанная рукой Рафаила Ивановича⁶⁴. Правильна ли она? Если бы понадобилась точная, то я могу прислать. Из рукописей сохранились следующие: он перевел всю I часть полностью «Фауста» Гете на русский язык и многие сцены из II части и несколько стихотворений, а также имеются статьи по музыке на сербском языке⁶⁵. Как вы думаете, дорогой Михаил Николаевич, где бы все это можно было издать, у нас — невозможно.

С французским обществом авторов либретто, в котором состоял членом покойный Вл. Ив., вошли в контакт, но пока безрезультатно. Как дело обстоит с Ленинградским музыкальным авторским обществом? От Ив.Ив. Лапшина получила письмо, он был нездоров, теперь ему лучше.

Жизнь моя тяжелая теперь во всех отношениях. Только и думаю, чтоб скорей соединиться с покойным Вл. Ив.

Вы не написали, сколько Игорю лет? Я Вам завидую, что у Вас есть внуки. Вот сын женат 8 лет, но детей у них нет. Отчасти хорошо это, не имея всегдшнего заработка, было бы очень трудно иметь еще детей. Я живу на свои гроши, которые зарабатываю своим трудом, а мне ведь исполнилось на днях 76 лет.

⁶² М.О. Штейнберг скончался 12 декабря 1946 года. Мистерию «Небо и Земля» он окончил в 1916, использовав либретто Бельского, сделанное им первоначально для Римского-Корсакова, и эскизы своего учителя.

⁶³ Очевидно, та самая, о которой идет речь во вступлении к публикации.

⁶⁴ В письме к М.Н. РК от августа 1946 И.И. Лапшин (который, по всей видимости, первым сообщил в Ленинград о кончине Бельского, после чего Михаил Николаевич написал его вдове) приводит надпись на памятнике на Гейдельбергском кладбище. Это цитата из последнего акта «Китежа»: «Время кончилось — вечный миг настал» [Неизвестный Иван Лапшин. С. 141].

⁶⁵ Ни одного из перечисленных материалов в русских архивах нет.

Передайте, пожалуйста, привет всей вашей дорогой для меня по воспоминаниям семье. Сын и невестка присоединяются и шлют свои приветы.

Сердечно преданная вам Агриппина Бельская.

Все рукописи музыкальные погибли при пожаре, а как много было интересного⁶⁶.

⁶⁶ А.К. Бельская переписывалась с М.Н. Римским-Корсаковым в течение 1947—1949 [всего 12 писем; последнее — от апреля 1949]. Содержание ее посланий более или менее однородно: она рассказывает о жизненных трудностях, благодарит М.Н. за посылку нот романсов Римского-Корсакова; насколько можно понять, она продолжает преподавать пение. В 1949 Агриппине Константиновне было 76 лет.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рафаил Бельский Краткая биография В.И. Бельского

Владимир Иванович Бельский родился 2 апреля 1866 года в г. Троках Виленской губернии. И отец, и мать его были петербуржцы чисто русского происхождения и переселились в Троки вследствие служебного перевода отца, служившего ранее секретарем в Сенате. Отец был хорошо образован, окончил камеральный факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата, хорошо знал французский и немецкий языки и свободно говорил на последнем. Он недурно рисовал, был музыкален, так как руководил хоровым кружком любителей. Он любил детей (их было двое, третья — дочь — умерла на втором году), делал для них очень изящные игрушки и рассказывал им русские сказки, иллюстрируя их рисунками. До сих пор сохранились сделанные им для детей миниатюрные бирюльки и рисунки к сказке о Василисе Премудрой, полные юмора. Монахо влияние его на детей не могло быть значительным, так как он умер молодым в 1871 году от скоротечной чахотки, когда старшему из детей (В.И.) было около 5 лет.

Мать получила скромное домашнее воспитание в частном немецком пансионе, но была хорошо грамотна и начитанна. После смерти мужа молодая вдова с двумя детьми вернулась в Петербург и поселилась, опасаясь тяжелой наследственности детей, в Царском Селе, пользовавшемся репутацией здорового места. Оставшись после смерти мужа без всяких средств и без пенсии, она содержала детей своим трудом, зарабатывая шитьем белья, за которым нередко проживала ночи напролет.

Владимир Иванович рос слабым и болезненным ребенком, но был очень любознателен и способен к учению, любил книги и много читал, увлекаясь русскими и арабскими сказками, сказками Андерсена, былинами и стихотворениями Пушкина, Лермонтова и Жуковского. На девятом году он пробует сам писать стихи, вызвавшие одобрение родных, и затевает журнал «Мои досуги», первый и единственный номер которого он единолично заполнил.

Подготовленный самой матерью, в 1877 году он поступает в классическую гимназию в Санкт-Петербурге, которую и окончил с аттестатом зрелости в 1885 году. Владимир Иванович учился очень хорошо, в особенности в первых четырех классах, когда он переводился из класса в класс с наградами. Из преподавателей особое влияние на него имел известный в то время педагог Я.П. Острогорский, который не только увлекал своими интересными лекциями по литературе, но

и руководил домашним чтением русской и всемирной литературы. Благодаря ему В.И. к концу курса гимназии был уже литературно образованным человеком. В 1880 году он впервые попал в Мариинский театр на оперы «Лоэнгрин» и «Русалка» и был очарован музыкой. В те времена возможно было, заплатив капельдинеру копеек 20, постоять в проходе верхнего яруса или посидеть на последней скамейке райка, места которой не продавались, так как с них ничего не было видно. В.И. с братом широко пользовались этой возможностью, посещая театр по 2—3 раза в неделю, все более и более увлекаясь музыкой. Это увлечение стоило ему потери награды в 5-м классе, отразившейся и на дальнейшем ученье. По окончании уроков В.И. торопливо бежал в Андреевский рынок, где выставлялись в витрине театральные афиши, и оттуда возвращался домой, проходя снова мимо гимназии. Учитель истории В.И. Белозеров, встречая его неоднократно по окончании уроков идущим навстречу, заподозрил, что он прогуливает уроки, возвращаясь домой откуда-то ко времени окончания занятий. За это после трех пятерок, стоявших в отзыве о первых трех четвертях года, он поставил в 4-й четверти единицу и вывел среднюю отметку за год — 3, чтобы лишить права на награду, на которую В.И. бесспорно имел право. Этот курьезный документ учительского самодурства свидетельство об успехах за год — сохранился до сих пор. Инцидент этот имел влияние на все дальнейшее ученье, создав ненормальные отношения и возбудив в В.И. антипатию к гимназии.

Между тем увлечение музыкой становилось все сильнее. Кроме оперы В.И. стал посещать симфонические концерты и квартетные вечера под влиянием своей крестной матери М.И. Чертовой, прекрасной пианистки и одной из образованнейших женщин. У нее В.И. ознакомился с Бетховеном, Шопеном, Мендельсоном и Шуманом. У нее же начал учиться игре на фортепиано, но, за неимением инструмента дома, техники и беглости не приобрел. Любимыми оперными композиторами его были Глинка, Даргомыжский и, в особенности, Римский-Корсаков, с которым он познакомился по «Снегурочке» и «Майской ночи».

С пятого класса гимназии В.И. пришлось зарабатывать средства к жизни уроками, так как заработок матери был недостаточен для существования.

В 1885 году В.И. поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет. В это время музыка составляла главное содержание его жизни. Музыкальные вкусы В.И. окончательно определились, и В.И. стал постоянным посетителем Русских симфонических концертов, устраиваемых М.П. Беляевым. Насколько серьезен был интерес к ним, можно судить по тому, что обычно прослушивался не только концерт, но и все три репетиции к нему, что

разрешалось М.П. Беляевым. Из русских композиторов наибольшее впечатление производила музыка Н.А. Римского-Корсакова. Каждое новое произведение этого удивительного многогранного гения — «Испанское каприччио», «Шехеразада», «Ночь перед Рождеством», «Млада» — поражало его своей новизной и красотой.

В это время В.И. сошелся с небольшим кружком поклонников русской музыки, собиравшихся каждую субботу в квартире профессора В.И. Ламанского у пасынка его Н.М. Штрупа <...>

По окончании юридического факультета с дипломом 1-й степени В.И. поступил на естественный факультет и окончил его так же успешно в 1894 году. Он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. <...> В.И. постоянно возмущался неравноценностью музыки и текста в лучших русских операх («Жизнь за царя», «Руслан и Людмила», «Князь Игорь») и мечтал о полном художественном слиянии музыки и текста в русских операх, подобно «Каменному гостю» и операм Вагнера. В это время Римский-Корсаков был занят работой над оперой «Садко», и отрывки этой оперы попадали в кружок через Н.М. Штрупа, познакомившегося с Римским-Корсаковым через его сына Михаила Николаевича. Некоторые из этих отрывков поражали своей гениальностью воображение кружка, но, к сожалению, литературная часть оперы не стояла на одном уровне с музыкой. Хотя Н.А. Римский-Корсаков был большой знаток русского былинного слога, но текст для него, всецело поглощенного музыкальными мыслями, являлся делом второстепенным, которому он не мог уделить должного внимания. В результате этого в стихах попадались некоторые недочеты, мешавшие цельному художественному впечатлению. Живое чувствуя, чего не хватало этому тексту, В.И. стал стремиться к знакомству с Николаем Андреевичем, и оно, наконец, состоялось осенью 1894 года через посредство Н.М. Штрупа. В.И. принял участие в окончательном редактировании текста «Садко» <...>

В 1896 году В.И. женился на Агриппине Константиновне Ивановой, обладавшей, кроме привлекательной внешности, музыкальностью и красивым, хотя и небольшим, голосом, и вместе с женою поехал в заграничную командировку в Вену и Мюнхен. Возвратившись оттуда через год с женой и родившейся дочерью, В.И. сдал в 1897 году экзамен на степень магистра политической экономии и статистики, причем на экзамене удивил профессоров знанием 3-го тома «Капитала» Маркса, неизвестного еще профессуре. С Н.А. возобновились тесные сношения и совместные обсуждения сюжетов для новой оперы. Что представлял собою тогда В.И., верно характеризует Н.А. Римским-Корсаковым в написанной им «Летописи моей музыкальной жизни»: «Умный, образованный и ученый человек, окончивший два факультета: юридический и естественный, В.И.

был великий знаток и любитель русской старины и древней русской литературы — былин, песен и т.д. В этом скромном, застенчивом и честнейшем человеке с виду невозможно было и предположить тех знаний и того ума, которые выступали наружу при ближайшем с ним знакомстве. Страстный любитель музыки, он был одним из горячих приверженцев новой русской музыки вообще и в частности моих сочинений».

Нуждаясь в немедленном заработке для содержания семьи, увеличившейся рождением сына и дочери, В.И. оставил ученую карьеру и поступил на железнодорожную службу в статистический отдел Управления Балтийской и Псково-Рижской железной дороги, а затем перешел в Управление казенных железных дорог, где и служил в Управлении делами железнодорожного пенсионного комитета до ноября 1905 года. В этом году он, в качестве служащего названного Управления, участвовал в созванном Управлением Всероссийском делегатском железнодорожном съезде по пересмотру правил пенсионной кассы, обратившемся развернувшимися революционными настроениями в первый забастовочный съезд, объявивший всеобщую железнодорожную забастовку.

Занятый служебными делами и частными работами, которые он брал ввиду недостатка средств, В.И. продолжал свое тесное сотрудничество с Н.А., принявшись в 1899 году за сочинение либретто «Сказки о царе Салтане». Страстно любя музыку Н.А. и глубоко ее понимая, по отзыву самого Н.А., В.И. был глубоким знатоком русской народной поэзии, книжного старинного языка и народного духа, обладающим к тому же немалым поэтическим дарованием. Эти свойства как нельзя более отвечали особенностям художественных мечтаний Н.А., и В.И. являлся как бы созданным для него либреттистом. Сотрудничество обратилось в близкую дружбу, и В.И. стал поверенным творческих дум Н.А. и советником в вопросах о выборе сюжетов для художественного воплощения. С 1900 года В.И. работал над либретто «Сказания о невидимом граде Китеже и деве Февронии». Работа эта была временно прервана в 1902 году сочинением [Н.А.] «Пана воеводы» по либретто И.Ф. Тюменева, но мысль о «Сказании» глубоко запала в мысли Н.А. и, даря В.И. клавиру «Пана воеводы», он написал: «Дорогому В.И. Бельскому на память преподобному сие intermezzo. Любящий Н.А. Р.-К. 18 сент. 1904 г.». Работа над «Сказанием», в предчувствии создания Н.А. исключительного шедевра музыкального творчества, захватила В.И., и в либретто «Сказания» он вложил столько мастерства, что либретто получило самостоятельное художественное значение. Недаром академик Кони представил его на соискание Пушкинской премии и должен был снять свое предложение только по формальным основаниям, так как либретто вышло в свет ранее установленного

условиями премии срока, а профессор русской истории А.Е. Пресняков рекомендовал либретто своим ученикам как образец русского книжного языка XVI века.

В конце 1905 года В.И. перешел в Управление государственных сберегательных касс на ответственную должность страхового техника, а затем товарища управляющего. Этим приглашением на должность, учрежденную со введением операций страхования жизни в сберегательных кассах, В.И. был обязан своему прекрасному знанию страховой математики, которую он изучил самостоятельно вне университетских курсов. Это редкое знание сделало его весьма ценным страховым деятелем, пользовавшимся авторитетом в специальных кругах. Работы в этой области он начал еще в 1894 году, составив по поручению председателя Правления Рыбинско-Бологовской железной дороги Пургольда проект и расчеты пенсионной кассы для названной дороги. В этой же области он работал на службе в управлении делами железнодорожного пенсионного комитета. Несмотря на тяжелую организационную работу по введению государственного страхования, В.И. в 1906 году принимается за либретто «Сказки о Золотом петушке».

Одновременно с писанием «Китежа» и «Золотого петушка» В.И. писал сценарии и отдельные части предлагаемых Н.А. либретто: «Навзикая», «Стенька Разин», «Небо и Земля», сюжеты которых привлекали Н.А. На последнем сюжете Н.А. остановился, и В.И. написал для него либретто; после смерти Н.А. в 1908 году оно было использовано зятем его М.О. Штейнбергом, со включением всех музыкальных набросков Н.А., оказавшихся в его записных книжках.

Неожиданная смерть Н.А. глубоко потрясла В.И., и он, отдавшись всецело служебной работе, не хотел писать более либретто, несмотря на настойчивые просьбы некоторых композиторов. Единственным исключением является написанное им в 1916 году для А.С. Танеева либретто на классический сюжет «Царь Эдип».

С этого момента литературную деятельность В.И. можно считать законченной. Правда, в 1918 году он задумал сделать точный перевод «Фауста» Гете размерами подлинника, чего до сих пор не имеется, и частью уже перевел в том году, но дальнейшая судьба его неизвестна, так как В.И., уехав в 1918 году на розыски своей семьи на Украину, пропал без вести.

Посвятив все свои способности и силы служению великому русскому гению для облегчения ему создания высших, совершеннейших достижений русского искусства, В.И. видел в этом свой жизненный долг перед Россией и в своей работе находил глубокое удовлетворение. Тесная дружба и постоянное общение с горячо любимым Н.А. были радостью его жизни.

***

Алексей Арсеньев

Русское музыкальное общество в Белграде

Группа русских музыкантов и любителей с 1925 года давала в Белграде популярные концерты. Одним из главных их организаторов был пианист и дирижер Илья Ильич Слатин, основатель русского хора «Глинка».

Официальной датой возникновения Русского музыкального общества в Белграде можно считать 2 января 1928 года, дату утверждения его устава. Основателями общества были Владимир Александрович Нелидов, И.И. Слатин, Владимир Иванович Бельский (либреттист опер Н.А. Римского-Корсакова), Василий Николаевич Штрандтман, проф. Александр Васильевич Соловьев и Михаил Николаевич Каракаш. Первым председателем был избран И.И. Слатин, а позднее — В.И. Бельский, занимавший этот пост до 1941 года. Помимо упомянутых, деятельными членами общества были: братья Александр и Владимир Ильичи Слатины, София Николаевна Давыдова-Слатина, Нина Дмитриевна Мисочко-Егорова, Раиса Леонидовна Караводина, Феофан Венедиктович Павловский и Иван Александрович Персиани.

Общество содержалось на редкие пожертвования и от членских взносов, примерно при одной сотне своих членов. Оно имело собственную библиотеку нот и книг по музыке.

Кроме публичного исполнения музыкальных произведений, общество заботилось о музыкальном просвещении его членов и русской молодежи.

Как отмечал В.И. Бельский, вначале оно занималось исключительно устройством концертов — вокальных, камерных, симфонических и хоровых. Из-за отсутствия постоянного зала для выступлений некоторое время преобладало устройство интимных вечеров (в здании Сербской Академии наук), — для узкого круга, так называемые еженедельные «воскресники». На них выступали музыканты и поэты, члены общества и гости, русские и сербы — певцы, инструменталисты, маленькие ансамбли.

Общество заботилось об организации чтений о русском искусстве. Во время своего временного пребывания в Белграде проф. И.И. Лапшин прочитал 12 лекций «Силуэты русских композиторов», А.В. Соловьев и Е.А. Елачич читали цикл лекций о русских операх.

Педагогическая деятельность Общества проявлялась в чтении курсов теории и истории музыки для регентов церковных хоров. Практическую гармонию читал И.А. Персиани (ученик А.К. Лядова) и Ю.Н. Ковалевский (ученик Р.М. Глиэра), историю

музыки — А.В. Соловьев, историю русского церковного пения — протоиерей Петр Беловидов. С 1930 года проводились занятия по игре на духовых инструментах, в целях образования собственного оркестра. Под руководством Н.Д. Мисочко-Егоровой ежемесячно давались концерты с участием русских преподавателей музыки и их учеников, а при наездах европейских исполнителей (Н.А. Орлов, Н.Н. Черепнин и др.) Общество не упускало случая дать русским преподавателям возможность проверить свои педагогические приемы, познакомиться с достижениями их учеников. С осени 1931 года Общество собирало пожертвования для выдачи двух стипендий талантливым ученикам.

С открытием Русского дома в 1933 году, Русское музыкальное общество получило возможность чаще устраивать публичные концерты во вместительном театральном-концертном зале на 450 мест. Силами членов Общества в 1933 году там была исполнена опера «Майская ночь» Н.А. Римского-Корсакова, а в 1934 году состоялось концертное исполнение оперы «Жизнь за царя» М.И. Глинки.

В дни германской оккупации Белграда Русское музыкальное общество прекратило свое существование (как почти все другие русские общества и организации), но в Русском доме продолжалась концертно-театральная деятельность, в которой принимали участие оставшиеся в Белграде бывшие его члены.

***

Из воспоминаний Ирины Грицкат (Белград)

...Гораздо больше могу я рассказать про Бельских. У Владимира Ивановича была толстенная жена, частная преподавательница пения, Агриппина Константиновна, со стоячими морщинками на верхней губе, напоминавшими усики; ее все время хотелось назвать Пульхерией Ивановной. Был и хромой сын Всеволод Владимирович, хороший пианист и недюжинный аккомпаниатор. Владимир Иванович Бельский был прекрасным математиком и потому служил в страховом обществе «Россия — Фонсиер», где в те времена люди, а не машины вычисляли различные случайности и вероятности. У него на голове была довольно заметная липома, и многие уверяли, что это математическая шишка на его мозгах.

Жили они по-русски, приятно и гостеприимно... Их жилище находилось на одной из улиц, которые во время бомбардировок до того пострадали, что десятилетиями спустя вид именно этой их улицы, сфотографированной после разгрома, входил в исторические очерки и газетные фельетоны как картина белградского военного ужаса. Наши старички оставались во время налетов в своей квартире; стены

вокруг них однажды буквально были сбриты, и они, живые и невредимые, оказались сидящими в одной из комнат, словно на высоко поднятой, со всех сторон открытой площадке, под небом.

Но я хорошо знала их милую квартирку еще до страшных событий. Мои родители часто бывали у этой четы, и когда я стала подрастать и относиться сознательно к духовным ценностям, меня начали водить туда. Не стоит и объяснять, до какой степени уважал мой отец Владимира Иванович: за не поддающееся никакому сравнению либретто «Китежа», за математический дар и за редкую скромность.

Сами Бельские мало ходили по гостям ввиду своих уже преклонных лет, но принимали у себя радушно, приглашали музыкальных знаменитостей Белграда, устраивали художественные вечера. На одном таком вечере, описание которого вышло в виде большой статьи в белградской газете «Политика» от 18 июня 1929 года, я пережила одно из очень сильных и ярко запомнившихся эстетических наслаждений.

Дело было в том, что тогда справлялось столетия со дня рождения Мусоргского, и Бельский решил отметить эту дату маленьким музыкальным торжеством у себя в доме. Было приглашено несколько русских оперных певцов и певиц, среди прочих известная, уже увядшая в те годы Лиза Попова, Борис Попов, Евгения Валяни, концертная певица Харьковская; затем один очень талантливый и популярный сербский музыковед, далее — на вечер попала не как журналистка, а как простая знакомая молоденькая сотрудница «Политики», да нас трое Грицкатов.

Помню, где, на какой части дивана я сидела, помню, что рядом со мною сидел музыковед, который плакал во время исполнения некоторых романсов... Помню полумрак подлинно русской, помещицкой гостиной, звучание исконных и сокровенных напевов Древней Руси, в которых слышится топот татарских коней или плач бушующей русской вьюги в заволжских и керженских лесах...

А потом был ужин с пирожками. Всеволод Владимирович потчевал. Боже, каких духовных перлов мы наслушались тогда! Владимир Иванович, воплощение смиренности, сперва говорил только о своем великом старшем друге, Николае Андреевиче Римском-Корсакове, который, по его словам, тоже был скромн, застенчив и молчалив. Познакомились они через сына композитора, Михаила, с которым Бельский был дружен по университету... Хозяина просили говорить дальше, и он постепенно разговорился, развернул свои воспоминания. Рассказы о «Китеже» были жемчужиной незабвенного вечера. Старичок говорил, как он набрел на хронику о невидимом граде... На основании этого произведения он создал либретто, которое вскоре начали изучать студенты словесных наук как образец самой чистой и красивой русской речи. Заметим кстати, что либреттисту во время

создания «Китежа» было всего тридцать с лишним лет, — а сотрудничество с Римским-Корсаковым началось еще раньше: ведь уже были им написаны слова на музыку «Садко» (только частично, это было началом совместной работы), затем на «Сказку о царе Салтане»... Позже прибавился «Золотой петушок»...

— В «Китеже» Николай Андреевич требовал особого набора колоколов, — говорил Бельский. — Трудновато бывало удовлетворять всем его желаниям...

Потом шла речь о постановках «Китежа» за рубежом. В Белграде уже в 1926 году ставили в концертном исполнении некоторые картины, причем партию оркестра исполняли на рояле Илья Слатин и Нелидов. В том же году давали «Китеж» целиком в Париже, под управлением Николая Черепнина, затем он прозвучал в Лондоне, в Барселоне, в Южной Америке и в конце концов в 1934 году попал в миланский театр Ла Скала с русскими гастролерами. В Германии «Китеж» сравнивали с «Парсифалем». Но между Вагнером и Римским-Корсаковым существует огромная разница в миропонимании и в понимании музыки, хотя сопоставление их иногда выглядит привлекательно. «У Вагнера лейтмотивы, а в одном «Китеже» не менее ста тем, которые все время видоизменяются и текут дальше...» В Югославии либретто переведено композитором Коньовичем...

— Еще тогда, когда Николай Андреевич работал над «Садко», он слушался некоторых моих указаний; мы сговаривались насчет, так сказать, архитектоники сюжета. Он благодарил меня... мне было двадцать семь лет. Затем он перерабатывал и заканчивал «Бориса Годунова»; мы, собственно говоря, занимались этим вместе: старались не изменять пушкинскому тексту... Во втором варианте [редакции] «Бориса» он по моему совету еще пополнил некоторые пропуски, перекинул музыкальные мосты... По просьбе Шаляпина я написал текст в духе античной трилогии — «Царь Эдип». Музыку сочинил [А.С.] Танеев, но последняя сцена осталась незаконченной, Танеев умер, а Шаляпин потом потерял партитуру... Я присутствовал, когда второй раз играли Шестую симфонию Чайковского... За все время этого исполнения оркестр плакал...

Один раз — дело было перед самой войной, тогда у многих были уже современные радиоаппараты, — Бельские слушали какую-то советскую станцию, и вдруг началась лекция о русских операх. Они услышали слова о том, что в истории русской музыки доньше не было либреттиста, который превзошел бы Владимира Бельского. Старички прослезились...

Бельские на Акрополе

Собрание белградского Русского музыкального общества: третий слева Владимир Иванович Бельский, за роялем в круглой шляпке Агриппина Константиновна Бельская, рядом с Бельским Николай Николаевич Черепнин, первый слева сидит академик Александр Белич, первый слева стоит Александр Васильевич Соловьев, справа сидит около фортепиано один из братьев Слатиных

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Мосусова Н. Из истории исполнения православных опер М.П. Мусоргского и Н.А. Римского-Корсакова артистами Русского зарубежья // Русское зарубежье: музыка и православие / Сост. С.Г. Зверева. М., 2013. С. 188—210.
- 2 Н.А. Римский-Корсаков. Переписка с В.В. Ястребцевым и В.И. Бельским / Сост., автор вступ. ст., комм. и указ. Л. Г. Барсова. СПб., 2004.
- 3 Неизданный Иван Лапшин / Сост. Л.Г. Барсова. СПб., 2006.
- 4 Пащенко М. Система лейтмотивов в либретто «Града Китежа» // Наследие Н.А. Римского-Корсакова в русской культуре. М., 2009.
- 5 Пащенко М. Невидимый град Леденец: христианство и сравнительное литературоведение в поздних операх Н.А. Римского-Корсакова // Искусство музыки: теория и история. 2014. № 9. С. 38—52 <http://imti.sias.ru/upload/iblock/fe7/paschenko.pdf>
- 6 Фокин С. Вступление к публикации «М.Н. Римский-Корсаков. Зоологические воспоминания» // Историко-биологические исследования. СПб., 2009. Т. 1. Вып. 1. С. 118.